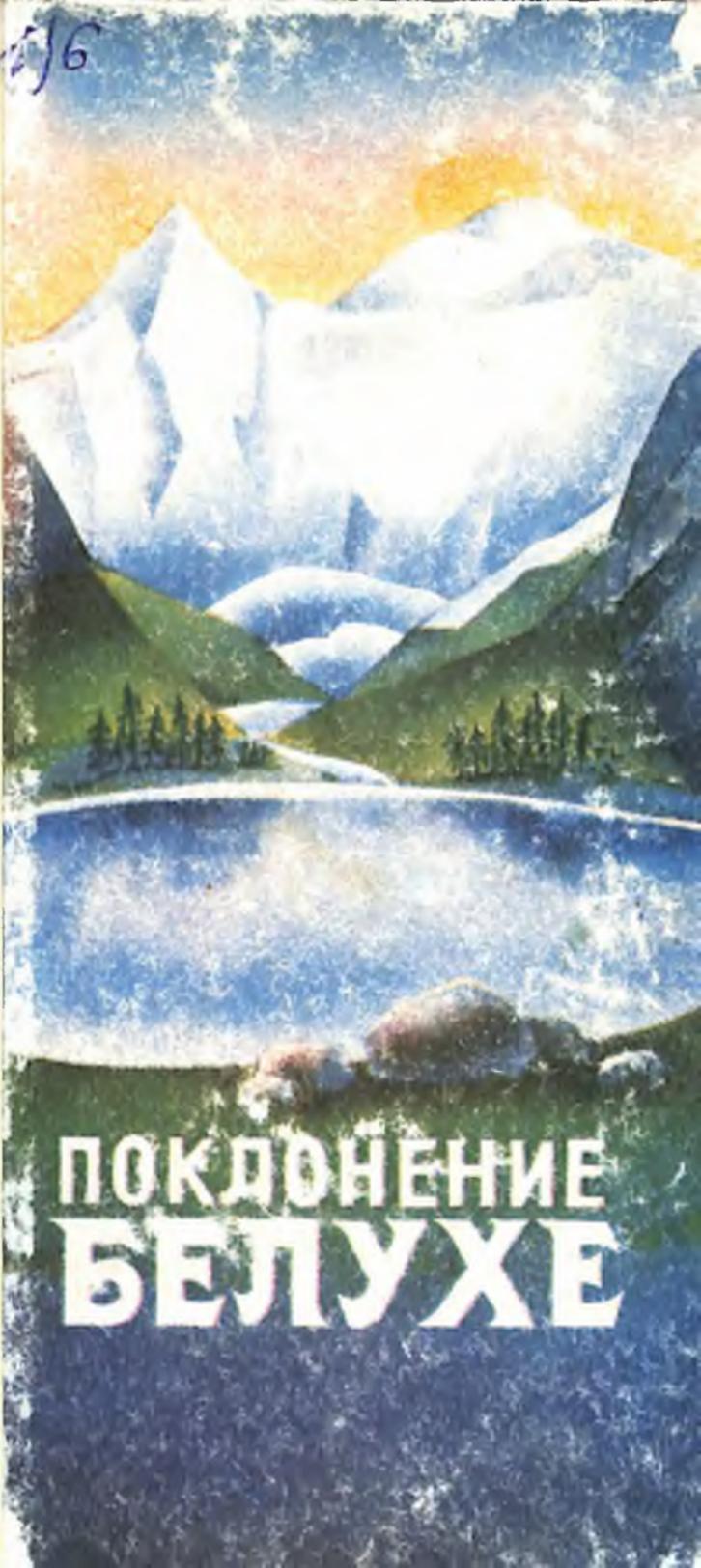


84(2-0)32.016
С 179

Паслей Самык



ПОКЛОНИЕНИЕ
БЕЛУХЕ



489049

18

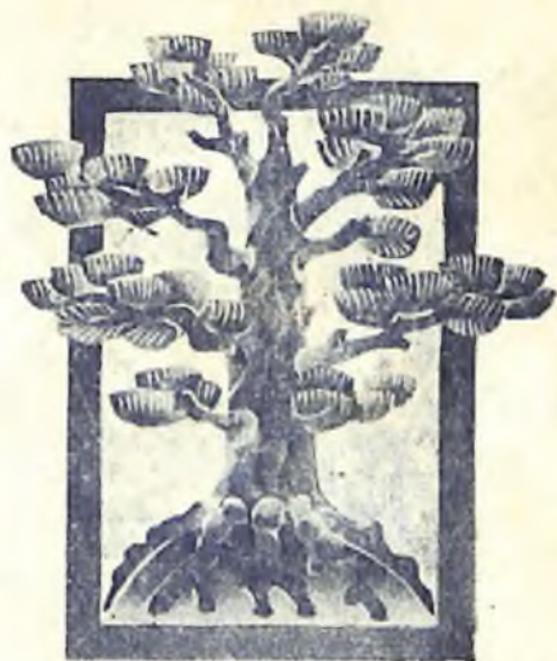
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллч. пред. выдач

З ТМО 1 млн. В. 114—84

Паслей Самык



**ПОКЛОНЕНИЕ
БЕЛУХЕ**

23

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

84(2) # 632.1/6
С 179

Редактор В. Л. Казаков

0
489049 ✓ 0

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Калинина

Самык П. Т.

С 179 Поклонение Белухе: Стихи, поэмы/
Перевод с алтайского; Послесловие
В. Чичинова. — Барнаул: Алт. кн. изд-во,
1988. — 224 с.

В книгу известного алтайского поэта включены лучшие его произведения, написанные в течение 30 лет и переведенные на русский язык поэтами И. Фояковым, А. Плитченко, Р. Бухараевым, Г. Фроловым и другими.

Издается к 50-летию автора.

С $\frac{4702010202-45}{M 138(03)-88}$ без объявл.

P 2

© Алтайское книжное издательство, 1988

5-ст-116

1962—1972

Огненный
МАРАЛ





С любовью к читателям.

Любви дышит слово мое ..

и молитесь Вселенной.

СЕРДЦЕ МОЕ

22/07.2012

Сердце мое —
одно безмерное,
свернутое в клубок,
красное и живое
стихотворение.

Стих мой — дыхание мое.
Строчку снимаю с губ.

День ото дня
к людям любовь растет у меня.
День ото дня
революции понимание обостряется у меня.
День ото дня
расцветает моя человечья суть:
в каждом цветке я вижу улыбку свою,
в каждом ветвящемся дереве — контур моих
раздумий,
в каждом встреченном человеке — себя узнаю.

Видно, я никогда не состарюсь,
никогда не умру:
вечно буду с деревьями вместе стоять на ветру,
вечно буду вместе с моими горами Вселенной
музыку слушать,
буду радоваться радостью будущих поколений,
с человечеством, с миром сольюсь —
навсегда.

И никогда
этот стих мне, должно быть, не кончить,
и никогда я, должно быть, понять до конца
не смогу:

этот мир, эти люди — где они,
во мне
или — вне?

Я землей становлюсь,
душу ее понимаю,
с деревом, камнем, воздухом
смешиваюсь — живой.

И всю прошлую жизнь человечества,
кажется мне, я прожил,
всю грядущую жизнь человечества,
кажется, знаю я.



КАК ПРЕКРАСЕН МИР!

Когда отложишь дела в сторону
и, раскинув руки, посмотришь вокруг,
то невольно и просто воскликнешь:
— Здорово!
Как прекрасен мир! — удивишься вдруг.

Я иду,
все живое сердцем приемля,
слышу голос кукушки в ельнике густом.
Не ее ли песня, упавая на землю,
цветами и травами восходит потом?

И, кажется, знаешь
душу всего сущего,
плавающего, летающего,
дышащего, растущего,
и меня окружает бесчисленная родня,
и каждый просит:
— Люби меня!
— Полюби нас! — цветы, раскрываясь, просят
и склоняют головки в немой мольбе.
Ветер рокот реки из низины доносит:
— Неужели язык мой непонятен тебе?

Старые лиственницы, нахмурившись строго,
плеч моих касаются колючей рукой:
— Мы прожили много, мы думали много,
переведи нашу мудрость
на язык людской!

Изболелась душа моя, истомилась,
ведь со всех сторон, от зари до зари,
просят:
«Будь нашим голосом, сделай милость!
От нашего имени говори!»



Я — ЧЕЛОВЕК

Я слишком человек,
 чтоб кинуть в кабинете!
Я слишком жизнь люблю,
 чтобы тонуть в бумагах!
Я рву цветы, шагаю по планете,
бросаю в воду камешки
 с размаха!

Иду полянам — прекрасными коврами,
Я — Человек,
 в эпоху Человека
иду, свободный,
 по земле свободной!

Мое ценнейшее богатство — вот эти звезды,
и есть ли что дороже!
Мой дом роскошный — этот мир огромный,
и есть ли кров уютней!

Коня седлаю, выезжаю в горы,
разглядываю спящие туманы
и, у костра пастушьего спешась,
вдыхаю воздуха живительную свежесть.
В неспешные вступаю разговоры
о жизни — не простой, не однозначной.

Я — Человек, в гостях у Человека,
в желанном мире здесь я — гость желанный!

А вдалеке дожди висят косые,
и по вершинам молнии шагают.
Глядя на них, я сердцем отдыхаю,
глядя на них, я счастьем наслаждаюсь.



ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ

Так ли уж нужны нам, в самом деле,
вещи, тряпки, мягкие постели?
Так ли уж необходимы, право,
званья незаслуженные, слава?
Только б на земле, большой земле,
ни при свете солнца, ни при мгле,
люди бы людей —

не убивали,
накормить детей —
не забывали.

Лишь бы на земле, где дождь и снег,
каждый настоящий человек,
каждый работающий человек,
каждый гениальный человек,
каждый Просто в Мире Человек
был бы счастлив!

Лишь бы для его
сердца —

доставало бы всего,
в чем, горя, нуждается оно!
Говорю, друзья мои, одно:
обживаясь — не впадайте в раж,
дух приобретательства — зловещ:
вещи, тряпки — призраки, мираж,
счастье всех людей — вот это вещь!



ВЕЧНАЯ ГОЛУБИЗНА

Голубые-голубые реки
вдаль бегут со звоном голубым.
Голубые голоса кукушек
впитывает влажная земля.

Голубое шелковое небо
птицы-челноки, летая, ткут.
И озера тоже голубые,
голубя, в мои глаза текут.

Голубые-голубые ели
по полям проходят голубым.
Голубые-голубые горы
высятся под солнцем золотым.

Над страдою моей,
над мечтою моей;
над бедою моей,
маетою моей,

над любовью моей
и тревогой моей,
над становьем моим
и дорогой моей —

мой Алтай,
высота голубая твоя,
мой Алтай,
чистота голубая твоя,

мой Алтай,
доброта голубая твоя.

И душа моя будет покуда жива,
будет жить в ней, светла, молода,
синева,
синева,
синева,

навсегда,
навсегда,
навсегда.



РОДИНА

Горы мои, горы!
В полдень яркий,
ночами ли,
ваших вершин молчание
звучит —
гордо.

Подобно клинкам скрещенным
отблески вечного льда.
О, я не от их ли света
прищурился навсегда?

А может, весной далекой,
когда в долинах светло,
сквозь древний скуластый камень
лицо мое проросло?

Алтай, моя таинственная,
древняя, чистая даль —
ты богом мне подаренный
волшебный и дивный хрусталь!



СЫНУ ЭРКИНУ

(Стихи с неологизмами)

Мой сын Эркин родился на Алтае,
в его крови — алтаника родная,
он отчий край полюбит сердцем чистым,
алтаелюбом станет, алтанстом.

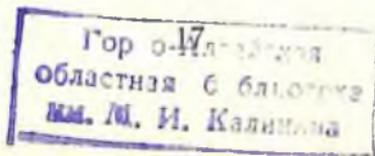
Родясь в горах, наследовал он горство:
стремленье ввысь, бесстрашие и упорство,
а вырастет он — станет истым горцем,
горопроходцем будет, гороборцем.

Родился он среди родной природы,
ручьев родных его вспоили воды,
он вырастет здоровым, белозубым,
природолюбом будет, конелюбом.

О да, друзья, он будет смелый конник,
песнепоклонник и танцепоклонник,
он будет мчаться по горам и рекам,
взлетать на лыжах — птичечеловеком!

Так будет жить он, духом вырастая,
в стране добра, в Коммуне, в Добростане,
когда исчезнут все следы Злоцарства,
а с ним обмана, зависти и барства.

Пусть, ненавидя человекозверство,
всегда он ценит в людях чистосердство,



пусть, веря человеческому взгляду,
находит в добротворчестве отраду.

Пусть и сынам, когда черед ударит,
алтайчество, как отчество, подарит,
пусть и они воспримут сердца глубиью
народознание и отчизнолюбье!



* * *

О,
в народе моем,
в мире бешеных рек,
заклинаю,
великий родись человек!
Песнетворец,
мыслитель,
строитель,
артист, —
умоляю — родись,
заклинаю —
родись!
То, что в нашей
веками
копилось крови,
в совершенной гармонии
миру яви!
Высоту
возрожденной
алтайской души
воплоти, о великий!
Родись!
Поспеш!



В ГЛУБИНАХ ГОР

Я здесь возник — в глубинах гор,
и грохот падающих рек
теперь в крови моей навек.

Да, я возник в глубинах гор,
под самым небом с детства жил.
С меня стекает до сих пор
прозрачный свет ночных светил.

Да, я возник в глубинах гор,
и грозный отблеск ледников
упал на дно моих зрачков.

Да, я возник в глубинах гор,
народа небольшого сын,
мне дали крылья и простор
орлы, хозяйева вершин.

Слова родного языка,
как серебро, гремят во рту,
растут, как кедры, в высоту.
Истории моей века
пьянят, как тлеющий арчин¹.



¹ Арчин — можжевельник.

ОГНЕННЫЙ МАРАЛ

По горам Яйлугуша,
как пламя, лечу.
Я сгораю, горю!
Так живу. Так хочу!

Перемычки в горах
грудью рушу — обвал!
Припадаю к аржанам
в расселинах скал.

Надо мной золотой
бубен солнца горит.
В колокольчик серебряный
осень звенит.

В жилах — пламя, не кровь.
Мощен мускул тугой.
Ну, а сердце мое —
больше клетки грудной.

Это небо, тайгу,
это солнце я пью!
Эту землю, Алтай,
эти горы люблю!

Эй ты, бог, сторонись!
Если вдруг захочу,
в небо, Трех Маралух¹
догоняя,
взлечу!

¹ Три Маралухи — созвездие Орион (алт. название).

Что за яростный дух
по земле мчит меня,
не давая покоя
ни дня?

Где-то там браконьер
притаился у пня,
и направил рога
друг-соперник в меня.

А — плевать мне на них!
Жизнь, ты — яростный риск.
Хочешь правильно жить —
Мчись, дерзай и дерись!

Эта сила во мне —
чтоб дерзать и любить,
и ревуций мой глас —
славу жизни трубить.

Бег, неистовый гон!
Эти песни и бой —
вот свобода моя,
мой под солнцем покой!



На горные хребты, к вершинам восходя,
внимая шелесту весеннего дождя,
мечтой возвышенною душу бередя, —
я Ленина читаю!

Когда хочу понять мой многосложный век,
когда хочу понять: что может человек, —
Я Ленина читаю!
Я Ленина читаю!



МАЯКОВСКОМУ

Старый мир,
как взорванный корабль,
разваливаясь на острые углы,
медленно шел на дно.

И запели над миром,
раскатываясь железными рулонами,
острые, как бритвы,
освобожденные ветры.
И солнечные лучи смеялись
среди нитей паутины.

И те,
кого люди называли поэтами,
выскакивали на улицу в теплых телогрейках
и никак не могли объяснить людям:
что же происходит в мире.

И только Блоку,
склонявшемуся над костром
усталой головой,
снились стеклянные сны
об огромных витражах,
расчерченных зигзагами молний,
об огромных зеркалах,
принимающих сигналы из Вселенной.

И тогда среди развалин появился ты,
ты, точно знавший, что все это произойдет,

шел, осторожно раздвигая руками
стальные канаты ветров,
тупым концом американского желтого ботинка
пробуя развалины:
хорошо ли все разломано?..

А там, в глуби земли,
снова складывались в упругие кольца
стальные мышцы диалектики,
чтобы тигром взлететь не однажды опять.

Маяковский;
ты, как йог, простиравший руки
в оба конца времени,
скажи мне:
в каком углу Вселенной,
на какой пустынной планете,
какими кузнецами-богами
в течение веков
лицо твое было выковано
из нержавеющей стали?

Да, великолепно жить, когда знаешь,
что под кулаками человека
прогибаются искривленные пространства.
да, великолепно жить, когда знаешь,
что по твоим стихам
время будет проверяться, как часы.
Время будет кроиться по твоим стихам,
как пиджак.

Но тот,
кто долго простоял
у атомного реактора,
тот облучен
и неминуемо должен уйти.

И я знаю,
когда ты медленно поднимал
столонное дуло
к своему виску,
вдруг перед твоими глазами
поплыли оранжевые планеты,
облетаемые караванами
крылатых, как рыба, ракет.

И нет тебя.
но каждый раз,
когда я подхожу к тому,
что сделано тобою,
мне все чаще вспоминаются
таинственные сооружения на Земле,
авторство которых
люди не в силах себе приписать:
они их приписывают Звездным Пришельцам.

И когда мы выгнем стальные трассы
к другим планетам
и сквозь
голубую толщу времени
пройдем к будущей Земле,
как к новой планете,
я знаю:
я тебя встречу там
и весело поздороваюсь с тобой,
как со своим знакомым.



РАЗГОВОР С ПОЭТОМ ЛЕОНИДОМ МАРТЫНОВЫМ

Я в Москве побывал в гостях у поэта.
Славен, известен поэт Леонид Мартынов!
«Вы — алтаец? О, как интересно это, —
говорил он, кресло ко мне пододвинув. —
Сколько вам лет? Как вас зовут?
Я рад нашей встрече и нашему разговору.
Садитесь,

рассказывайте,

как живут

мой знакомые — Алтайские горы?»

«Когда-то, — сказал он, — в шестнадцать лет,
я был страшно восторженный молодой поэт.
И вот я, представьте, в какой-то книге читаю
о том, как прекрасна природа Алтая.
И вскоре я был уже в пути!

Помню горы и реки,

перевалы и переправы.

Много сотен верст

мне тогда пришлось пройти
с ботаниками, изучавшими

лекарственные травы!

И с тех пор мне кажется: недра Алтая —
словно шкатулка волшебная, золотая,
в которой сокрыты от случайного взгляда
дивные камни, дивные клады.

А на крышке ее

произрастают чудодейственные растения:
золотой корень, маралий корень.

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ ЛЕОНИДОМ МАРТЫНОВЫМ

Я в Москве побывал в гостях у поэта.
Славен, известен поэт Леонид Мартынов!
«Вы — алтаец? О, как интересно это, —
говорил он, кресло ко мне пододвинув. —
Сколько вам лет? Как вас зовут?
Я рад нашей встрече и нашему разговору.
Садитесь,

рассказывайте,

как живут

мои знакомые — Алтайские горы?»

«Когда-то, — сказал он, — в шестнадцать лет,
я был страшно восторженный молодой поэт.
И вот я, представьте, в какой-то книге читаю
о том, как прекрасна природа Алтая.
И вскоре я был уже в пути!

Помню горы и реки,

перевалы и переправы.

Много сотен верст

мне тогда пришлось пройти
с ботаниками, изучавшими

лекарственные травы!

И с тех пор мне кажется: недра Алтая —
словно шкатулка волшебная, золотая,
в которой сокрыты от случайного взгляда
дивные камни, дивные клады.

А на крышке ее

произрастают чудодейственные растения:
золотой корень, маралий корень.

И я понял: в краю, где на всем скаку
джигит арканом ловит коня,
народ, познавший сто бед на веку,
не зачахнет —

воспрянет под солнцем нового дня!

Природу обожествлявший народ,
к светлой жизни восставший народ,
народ — поэт, философ — народ
никогда не исчезнет,

никогда не умрет.

И если в руки ты взял перо,
стремись народу сделать добро,
миру всему о нем говори,
дерзай, работай, твори, гори!..»



ЧЕГО Я ХОЧУ

Я иду по земле,
как живой, стоязыкий костер,
пламя рук своих ввысь,
в жаркий пепел сгорая,
простер.

Запрокинута к небу
моя голова,
обжигают мне рот
раскаленные угли —
слова.

Революции знамя —
святыня моя,
все она для меня —
и корабль,
и маяк.

Самых верных друзей,
самых смелых друзей,
самых умных друзей —
вот кого я ищу!

Самой чистой любви,
самой нежной любви,
самой крепкой любви —
вот чего я ищу!
Вот чего я хочу!

Весь я, люди,
любовь и доверье,
всех в объятья
готов заключить я.

Что с того,
 коль подчас
я, как дети,
 наивен и прост?
Называйте меня
 человеком,
 упавшим со звезд!
Надо мной посмеетесь беззлобно —
 я с вами, смеющийся, вместе,
надо мной надсмеетесь жестоко —
 себя не унижу до мести.

Вон зажегся в грядущем
прожектора свет,
он ко мне дотянулся
сквозь множество лет.
Как по белой дороге
иду по лучу.
Вот в чем счастье мое!
Вот чего я хочу!



РАНО УТРОМ В ГОРОДЕ

Рано утром
голуби ходят, воркуя, карнизам —
рано утром.
Рано утром
тополя светом солнца пронизаны —
рано утром.
Рано утром на улицах —
столько стройных девчат!
Их глаза блестят,
каблучки стучат —
рано утром.
Ветки, словно качели, качают скворчат,
грузовики на дорогах ворчат —
рано утром.
Рано утром
в этом мире,
затопленном солнечным светом,
в этом мире,
звнящем, как голубое стекло,
может сбыться все,
что загадано было поэтом,
может разом, навеки
погибнуть земное зло —
рано утром!



РАНО УТРОМ В ДЕРЕВНЕ

Рано утром,
едва открываешь глаза,
их слепит бирюза
яркой толщи могучего, мощного неба.
Словно только что сотворенное,
отделяясь от земли,
ввысь летит и летит,
и звенит, и звенит,
улетает,
тает,
никак не растает.

Открываешь дверь —
у крыльца
теплым ковриком солнечный свет.
Ходят голуби, куры,
клюют золотые зерна,
празднуют.

А у коновязи — конь,
от него — почти огонь,
не огонь, так дым,
а не дым, так пар —
словом, добрый конь и, понятно, не стар!

И первый певец, прославляющий день, —
петух —
уж давно взлетел на плетень,
и во взгляде певца — торжество.

Коромыслу подобно, изогнута песня его.
А длинна-то, длинна!
Удивительно, как не устанет —
так долго он тянет,
что страшно: вот-вот
голос
сорвет.



СМОТРЮ С ГОР

Ночь.
Подперев ладонью подбородок,
я с гор смотрю
и вижу... в городах,

неслышно
грохоча на поворотах,
игрушечные
мчатся
поезда.

Там, в городах,
где жизнь летит, блистая,
чего искал я
и мечтал о чем,
застенчивый и гордый
сын Алтая
с пастушеской котомкой
за плечом?

Быть может, силы,
возгордясь, пытал,
быть может, славу
обрести мечтал?

О, не свою ли песню
убивал я?
О, не свои ли
предавал слова?

Себя, как дерево,
из почвы вырывал я,
и стала вдруг
желтеть моя листва.

А ночью мысли,
словно бы кометы,
все ярче,
все внезапней,
все острее
прочерчивали мозг мой.
Может, это
и было
тайной славою
моей.

Я честен был!
В слова вливая душу,
не тратя даром сил
на пустяки,
писать уже умел
других не хуже
«сверхинтеллектуальные»
стихи.

Но в это время
где-то в синей дали,
в грозу, при вспышках
белого огня,
топтались табуны,
метались,
ржали,
разыскивая, может быть,
меня.

Пастушки-сестры
шли тропой туманов,
в горах встречая
без меня зарю...

Я возвратился,
не пропав,
не канув.
Смотрю в долину.
Думаю.
Смотрю.

Здесь — мой народ,
здесь — все мои родные,
я к ним сегодня обращаю речь.
Мне — не до тонкостей кулинарии,
мне научиться б
хлеб насущный
печь.

Но я еще вернусь к вам,
города,
и не за славой
я приду тогда!
Приду, скажу:

«Теперь уже не стану
ни подражать,
ни жаться в уголке:
судьба земная
черного Имана,
судьба земная
рыжего Ивана
в моем сегодня
песенном мешке!

Мой стих
не отраженным светом ярок
чужих открытий,
мыслей и стихов.
В нем — смех усталый
девушек-доярок
и жесткая закалка
пастухов.

В нем — сны туманов,
бег коня лихого,
крик журавлей,
над облаком — звезда,
все, что живет во мне
и просит слова...»

Немного подождите,
города!



ПЕСНЬ БАТЫРА ПЕРЕД БОЕМ

(Подражание эпосу)

Диких коней объезжать я родился,
гордые песни слагать я родился,
храбрых в бою побеждать я родился,
снежных вершин достигать я родился.

Девушек нежных любить я родился,
в песне хвалу им воздать я родился,
звезды на небе добыть я родился,
людям добычу раздать я родился!

Солнышку радоваться, как дитя,
наглого наземь валить шутя —
вот для чего я родился!

Славу народа хранить и беречь,
гордость в сердцах пробудить и разжечь —
вот для чего я родился!

Кто я?

Алтайский бесстрашный джигит!
Кто, дерзновенный, меня победит?

Ты ли меня одолеешь, наглец,
лютую злобу на сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта земля — мать моя!

Шаг мой один — десять твоих!
Слово одно мое — десять твоих!

Верх надо мною
взять ли тебе?

Нет!

Ни в гоньбе,
ни в борьбе,
ни в стрельбе...

Непримиримые, вышли мы в бой,
правда — за мной, а обман — за тобой.
Вышел я в бой сам — один, сам с собой —
сколько приспешников вышло с тобой!

Ты ль победишь, злобный хитрец,
черные помыслы в сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта земля — мать моя.



И точно в срок, не ко времени,
настала пора окота,
сквозь вьюгу ребята-сакманщики
несут ягнят на руках.

Небо такое хмурое,
что опускаются руки!
Ведь столько мы, люди, ждали,
жаждали этой весны!
Но скрылась весна под снегом,
скрылась по всей округе,
и мы разводим руками,
растеряны,
смущены.

Но —
как бы зима-старуха
ни злобствовала напоследок,
весна не остановилась,
помалу — свое берет.

Птицы не замолчали
среди нерасцветших веток:
дрожат — но поют!
И время
тихонько
идет
вперед.

А чей это голос слышится
с завьюженной опушки?
То — голос извечной вестницы,
зовущей весну встречать,
не соловья знаменитого —
простой алтайской кукушки.

АНТИЧЕЛОВЕК

В то утро я на небо посмотрел —
и не зарю увидел: море крови.

В то утро я на землю посмотрел —
и не ручьи увидел, струи крови.

Шар земной рассекли границы —
из каких гранитов они?

Разнолики
 людские лица,
но сердца,
 но чувства —
 одни!

И одну, простую,
 давно
истину понял я:

люди разны, как братья,
 но
человечество
 есть семья!

Антимир вы ищете, физики?
Бросьте, физики:

 только одна
в мире есть антитеза миру:
антимир —
 это есть
 война!

Лишь когда человек человечен,
человек — Человек!

Человек главенствует в мире,
в антимире —
античеловек.

Называемый сверхчеловеком,
он на деле —
недочеловек!

Зверь, звереющий в чаще, — создан
таким,
и вины не предъявишь ему.

Человек, человека преследующий,
изменяет себе самому.

У него оболочка людская —
кожа, мускулы, интеллект,
но его оболочка — пустая:
человека внутри ее —
нет.

Ибо суть человека,
как выяснилось,
помещается в сердце...

И, детей чужого народа
превращая напалмом в калек,
на свою человеческую природу
он охотится,
«сверхчеловек».

День за днем в себе человека
добывает «сверхчеловек»!

Волк,
попавший в капкан
и марающий кровью снег,
лев, крадущийся за человеком,
человечней,
чем человек,
переставший
быть человеком.
Пусть его постройки
небо скребут,
пусть его города
сияют красиво —
это бессмысленная красота,
это — злая, пустая сила.
Он безмерно страшен в своей пустоте,
он проклят людьми навек —
«сверхчеловек»,
античеловек,
зверь-человек!



МАТАДОР

Вот рука моя левая.
Не плащ в ней трепещет алый —
сердце трепещет мое.
Вот рука моя правая, —
что не шпагу разящую сжала,
а мысли моей раскаленное острне.
Я — матадор. Не арены песок подо мной,
а зеленые травы земли родной.
Я — грядущего радостный сын.

Отчего же
мысли моей не сверкать,
сердцу не ликовать?
Вчерашние правда и жизнь,
вам не век вековать,
вы сегодня становитесь ложью.

Ложь — чудовищный бык.
Я — матадор. Я с быками сражаться

привык.

Эй, мой бык! Мы тебя пощекочем кинжалом,
красным сердцем подразним тебя,

набитый мешок.

Все увидят, что ты хоть огромен, а жалок.

Все увидят, как ты смешон.

Ты будешь метаться в слепом озверенье,
пока моя шпага тебя
не пригвоздит к арене.

Но однажды, быть может, поднимешь меня

на рога,

к солнцу беспечного вскинешь врага.

У ног твоих молча застыну,
поперек рубежей свое тело раскину.
Но сквозь кровавый туман разгляжу я,
пожалуй,
как придет невидимка — мать, время мое,
подтолкнет мою руку,
и шпаги сверкнет острее,
в сердце твое войдет холодное жало,
в лицо мне кровь твоя хлынет струей.
Годы пройдут. И где-то в глухом захолустье
уснет мой клинок под музейным стеклом,
во сне он почувствует с грустью
жаркий бой, южный зной, рукоплесканий гром.
Будешь ты окружен экскурсантами —
шумным народом,
матадорам напомним — юнцам желторотым —
промах мой роковой, он мне стоил — увы! —
головы.
Им захочется жить, не зная покоя,
быть все время в бою, всякий раз побеждая
быка,
у матадоров не часто бывает такое —
их профессия нелегка.



ДИОГЕН

(Шутливое)

Мне приснилось, что я — Диоген,
что сижу я в своей знаменитой бочке
и стоит предо мной Александр Македонский,
вопрошает:

— Чего ты от жизни хочешь, философ?

Покорил, — говорит, — я прекрасный Иран,
там красавицы — каждая словно джейран,
и еще я немало земель покорю,
попроси — все, что хочешь, тебе подарю!

А я говорю: — На Марсе
водопровод сломался,
ты бы, что ли, помог починить, — говорю.

Просыпаюсь я, беспечен и молод,
а в комнатенке — отчаянный холод.
— Эх, дурак, — сам себе говорю, —
хоть бы дров попросил, — говорю...



ЭТОТ НОЧНОЙ ВЕТЕР

Этот ветер ночной — неужели сошел он с ума?
На кого рассердясь, он стучится в людские
дома,
этот ветер ночной?

Для чего он тревожит уснувших людей?
Для чего замирает у окон, дверей?
Для чего налегает на ставни плечом?
Вопрошает — о чем?
Умоляет — о чем?

Может, где-то
пожар занялся на земле?
Может, путник
один заблудился во мгле
и взывает о помощи —
слабый,
больной?

А быть может, он — я,
этот ветер ночной?



НОЧЬ

Ночь темноглазая
смотрит в комнату.
Мир потонул во мгле.
Думаю.
О жизни своей — думаю.
Часы стучат на столе.

«Я твой друг, — мне ночь говорит. —
Узнаешь меня? — шепчет мне. —
Знаю: будешь опять
до рассвета не спать,
будешь мир постигать
и себя постигать
до утра
в ночной тишине».

«Я твой друг молчаливый, —
говорит она мне. —
Твои лучшие мысли
рождались в моей тишине,
улетал ты к созвездьям
в просторах моих,
что узнал — расскажи», —
говорит она мне.

«Много раз, — говорит, —
в моей тишине
оставался ты с совестью наедине,
сокровенное

из глубин души
поднималось,
всплывало
в моей тиши.

И пока ты жив,
я с тобою — рядом,
тишиною моей
и взглядом
я всегда тебя поддержу,
я раздумья твои сторожу...»

Миги времени отсекая,
на столе будильник стучит.
За окном большая-большая
зверем сказочным
ночь стоит.

Мысль моя,
как росчерк молнии,
с треском рвет
времен полотно.
Не мигая,
глазами темными
смотрит ночь на меня
в окно.



ЖЕНЕ

Женщины капризны! — говорят.
Но тебя капризней я стократ!

Говорят: лукав у женщин нрав!
Нет, не ты, скорее — я лукав!

В мире нет другой такой жены! —
Ты ж себе не ведаешь цены.

Совершенства все в тебе сошлись —
Ты и глубь души моей, и высь!



ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ ДЕМОН
ЖЕНИЛСЯ НА ТАМАРЕ

(Шутка)

Михаил Юрьевич Лермонтов
нам не весь поведал сюжет:
на Тамаре Демон женился
и прожил с ней много лет.
Но Тамара, хоть и красавица —
только женщина, а не птица.
Волей-неволей Демону
пришлось на землю спуститься.

Дети пошли, хозяйство —
надо же как-то жить!
Демон сложил свои крылья
и поступил служить.
Но прошлое долго-долго
от него не могло отстать:
придет с работы, бывало,
хочу, говорит, летать!
Детей на колени посадит,
расскажет, как жил, летая,
как парил над вершинами
Кавказа, а также Алтая.
Плачет, бывало, Демон,
жалуется, небрит:
все, говорит, мои таланты
ушли на семью, говорит.
А то незаметно трешку
прихватит — и за порог,

и в темноте растает
 (как это всегда он мог),
и с другом, шофером Колей, пьет,
 пока не станет светло,
и только утром к себе домой
 бредет, волоча крыло.
— Где ты был? — Тамара накинется, —
 аспид, пьяница, лиходей?!
— Я полетал немного, —
 Демон тихо ответит ей.

Как не понять Тамару —
 беда с таким муженьком!
Бежит в женсовет многодетная мать,
 оповещает местком.
И я там был, но меду не пил,
 ничего не текло по усам.
Я был на собрании секретарем,
 я протокол писал.
Слышал, как Демон каялся
 малым детям под стать,
больше, говорит, не буду
 ни пить, говорит, ни летать.
Выяснилось: и на службе
 с ним было мученье одно —
разложит, бывало, бумаги,
 сидит и смотрит в окно,
туда, где синее небо,
 где края облаков горят...
И планы всему коллективу,
 бывало, срывал, говорят...

Ох, и досталось Демону!
 Жалко было его.
Женщин бригада целая
 накинулась на одного,

сколько их было, не помню,
но, кажется, пять или шесть,
а шесть рассерженных женщин
способны и черта съесть.

Теперь исправился Демон,
не пьет, впусую не грезит,
купил мотоцикл,
на рыбалку по воскресеньям ездит,
ходит красивый, румяный,
с кругленьким животом,
скоро квартиру получит новую —
профсоюз хлопочет о том.
Больше в тоске непонятной
не смотрит на небо, в окно,
после работы, в пижаме,
садится за домино.

Еще иногда пытаются
ребятишки к нему пристать:
— А правда ли, Демон Степанович,
что вы умели летать?
Вздохнет чуть заметно Демон,
гладок, чист и побрит:
молод был, говорит,
глупый был, говорит,
вот и летал, говорит.

Идея моей поэмы
здесь выражена прямым:
да здравствует перевоспитавший
Демона наш партком!
Да здравствуют оповестившие
об этом граждан страны
областные — «Звезда Алтая»
и «Алтайдын Чолмоны».

веря в прекрасное будущее,
дело свое любя,
чертит их — не по должности,
чертит пока — «для себя».
Но что же такое значит,
друзья мои, — «для себя»?

Дома

встают великаны,
сияньем окон слепя,
в них все — для людей, в них
каждому —
просторнейшее жилье!..

Склонилась у лампы девушка
и думает про свое.

Ее города прекрасны,
в них солнечно и светло,
в них каждому
по таланту

место в жизни дано,
архитектура связей,
которая столь сложна,
там совершенно забыта,
ни капельки не нужна.

Там девственна летом зелень,
зимою — чисты снега,
летят по стенам олени,
закидывая рога...

И все это создается
девичьей легкой рукой
в домике, вросшем в землю,
над Улалушкой-рекой.



ТЫ

Ты красива,
но есть на земле и другие,
красивые тоже.
И все же —

нет милее тебя.
Ты добра,
но ведь есть на земле и другие,
столь добрые тоже.
И все же —

нет милее тебя.
Ты нежна,
но ведь есть на земле и другие,
столь нежные тоже.
И все же —

нет милее тебя.
Ты чиста,
но ведь есть на земле и другие,
чистейшие тоже.
И все же —

нет милее тебя.
И на целой земле, никогда и нигде,
нет милее тебя!



ЛЕБЕДЬ, ЛЕТЯЩИЙ ВВЕРХ
ПО ВЕСЕННЕЙ КАТУНИ

Я — лебедь-певун,
летающий вверх
по весенней Катунн,
на катунских скалах туман
белыми парчами
распластался.

Малиновым пожаром
маральника
объяты
розовые скулы скал.

Я — лебедь-вещун,
одинокое летающий
вверх по весенней Катунн.
Одно мое крыло —
только любовь к тебе, моя милая.
Другое мое крыло —
только любовь к вам, мои люди.
И когда время мое завершится,
и придет мой черед уходить,
на одно мое крыло
положите меня
и другим крылом моим
укройте меня.
Ведь в жизни своей
я вас любовью окружал,
как катунские скалы —
туман,
алым пожаром маральник.

МОЯ ПОЛИТИКА

В личной моей «политике» —
ни одного секрета.
Просто: люби человека.
Самое главное — это.
Без колебаний людям
свое раскрывал я сердце.
Может, бывал безрассуден
в этом своем усердстве.
Часто — не ускользало
от моего взгляда! —
людям это, бывало,
вроде не так уж надо.
Но все же, в конечном счете,
люди мне доверяли.
Люди меня — понимали.
Люди меня — принимали.
Если я в чем виновен —
в том признаюсь открыто:
сердце держал — открытым,
жить старался — открыто.
Что со мной дальше будет? —
сердце мое не гадает.
Мещане меня осудят.
Звезды меня оправдают.



ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ

Двадцатипятилетний
перед вами стою.

Ширь алтайского неба
за спиною
полощет, как крылья.

Словно птица,
я ввысь устремлен!
Бьет в лицо мое
ветер эпохи.

Бьется сердце —
одно у меня оно,
как и у вас!

Но на двести лет жизни
горячей любви ему хватит!
Но на двести лет верности
хватит с избытком его!

Кто проникнет в него,
тот его никогда не забудет.
Люди,
весь я открыт перед вами,
примите ж меня!

В яром жаре огня,
как булат, закаляю строку я!

Жизнь — борение вечное,
жизнь — горение вечное! —
В этом высшую мудрость творенья,
созидания суть
признаю я!

Ну, а если до срока паду я
(ведь всякое может случиться!),
в мою чистую совесть,
как в саван,
меня заверните.
Лишь ее я берег,
лишь ее чистотой дорожил я,
не испачкав
ни ржавыми пятнами лжи,
ни предательства дегтем.

Я иду тротуарами гулкими
улиц московских.
В синих сумерках вечера
девушек лица волшебны.
Я свою хочу встретить любовь,
а пока ее нету,
я слагаю стихи —
вдоль весны проходя —
и за мною
по ветвям — миг назад еще голым! —
огнем
пробегают листва!



1972—1982



Ветер
ВЕРШИН



ГДЕ-ТО ДАЛЕКО...

Там, вдали,
где вслед за темной тучей
в небеса вздымается тропа,
прислонясь спиной к скале могучей,
спит село по имени Каспа.
Сквозь ночные звездные просторы
на свиданье с ним моя душа
вдруг летит через кедрач и горы,
сетуя, горюя и спеша.
Мой отец давно уже недужен.
Мой отец, не по годам седой,
на войне снарядом был контужен,
покалечен был взрывной волной.
Мать с отцом пекутся друг о друге,
но сегодня, в смутной тишине,
позабыв о тягостном недуге,
снова вспоминают обо мне...
Я же, в дождь рассказывая сыну
сказку — сам давно уже отец, —
сердцем вижу скорбную картину,
ощущаю зовы их сердец.



ПЕСНЕ ПОДОБНАЯ РОДИНА

Что ж тут поделатъ,
печальное сердце:
больше всего
эту землю люблю.

Где дребезжащее бляенье стада —
как перезвон
между склонами гор...

Где ледники голубеют под небом,
горы, как стражи пространства,
стоят...

Люди мне здешние —
всех ненаглядней,
эти потомки
забытых племен,
мчавшихся вихрем по свету,
ушедших
за голубой небосклон.
Эти потомки
иль даже обломки
древних племен
баснословных времен...

Что же мне делать,
упрямое сердце:
словно бы дерево,
в почву я врос.

Точно бы камень,
впрессован веками
в гору,
горами
для гор
я рожден.

Если земля эта счастлива, —
счастлив;
если страдает, —
страдаю и я.
Если удача мне светит, —
восходит
и над землей моей
в небе звезда...



И ты поверь, что родина старицей
тебе за верность гордую воздаст.
И обернется глушь твоя столицей,
когда и впрямь на подвиг ты горазд.



ВЕТЕР ВЕРШИН

Осень.

Рушатся с бурых нагорий

злые,

звонкие, свежие ветры,

и бушуют леса,

словно море,

желтой краской

обрызганы щедро.

Лето было!

От медного зноя,

духоты,

комариного писка,

выше, в горы,

к прохладе альпийской

уходило тогда

все живое.

Я и сам

от асфальтов, расплавленных в жижу,
пересудов и сплетен,

коротких и длинных

(тех же, в сущности,

мелких щипков комариных),

скрылся в горы,

к вершинам поближе...

Отпылало.

Прошло.

И сегодня,

куда мы ни бросим

взгляд, —

задумчивым зеркалом
высится
осень.

И не больно уже глазам.
Осень высится чисто и немо.
Остывает
огромное небо,
словно снятый с костра
казан.

А вчерашний летний
ветер-шалун
вырос нынче,
свищет над миром,

он могуч, плечист,
он уже не юн,
словно мальчик,
ставший батыром!
О, скользящий с вершин,
о, звенящий стрелой,
о, свистящий,
о, свежий
ветер!

Я люблю тебя,
я ловлю тебя,
распахнув объятия,
ветер!

Ну, а ветер все крепче,
он летит и поет,
свищет, воеет —
по-доброму злой.

В это время
каждое древо
экзамен сдает:
кто крепче связан
с землей.

ВОПРОСЫ ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

Неспешно летней ночью средь хлебов
я ехал, — и пылающий костер
за темными плечами дальних гор
увидел: то огромная зарница
полнеба осветила, чтобы скрыться,
тотчас угаснув за чередой хребтов.
И снова — сполох над волной хлебов,
и свет, растущий от земли до неба,
как парус над глубоким морем хлеба...

То огонь души великих хлебозаров
пылал беззвучным розовым пожаром
одно мгновенье! — и спешил во тьму,
задав задачу сердцу и уму.

Как теплый бархат, струн этой ночи,
вселенная, окутанная тайной,
в дремоте, беглый свет, как знак случайный,
нам шлет... Судьбу безмерную пророчит?..
И вновь завеса душевной летней ночи...

Крыла каких драконов или птиц —
вот эти вспышки, выплески зарниц?
С каких светил, неведомых планет
к нам натекает
этот плавный свет?
Какая высь, немислимая даль
струит свою заветную печаль,

сигнала заревом ночной земле
о красоте, томящейся во мгле?
Иль это звезды? Длинных их ресниц
внезапный взмах?.. И флагами зарниц
они, мигая, намекают нам
на то, что не вместить земным сердцам?..

А здесь — такая ночь и тишина!
И, мнится, я один во всей Вселенной...
И кажется, душа моя больна.
О чем она скорбит: об этой пленной,
таинственной, далекой красоте?
О падающей на поле звезде?
Об алых крыльях безголосых птиц —
над хлебным полем в сполохах зарниц
безлунной ночью?

Вот сорвалась
отцветшая звезда
и покатилась,
и летит сюда..
Но нет! — скользнула в бездну мироздания,
на дно его, какому нет названья...



КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

На Красной площади по вечерам
так ощутима крутизна планеты,
пространства кривизна...

Открытый всем ветрам,
стоишь в лучах космического света
близ Мавзолея...

К звездам в небесах
возносятся здесь башенные звезды,
огонь их теплый —
как огни в домах;
рубин, сочась,
подсвечивает воздух.

И чувствуешь:
душа твоя легка,
а дума —
бескорыстно высока...

И отзываются в твоей груди
отчизны необъятной
грады, веси...
Весь путь ее,
лежащий позади,
грядущие
эпические песни...

На Красной площади по вечерам
такой нагорной свежестью ты дышишь.
И видишь вдруг

не очаги,
не крыши,
а всей Вселенной
лучезарный храм.



ЛЕНИНГРАД. МАРСОВО ПОЛЕ

Весна... Но ветви голы и черны,
и капли талые в сырой сугроб стекают,
а дети в парке все еще играют
в снежки, зиме по-прежнему верны...

Вблизи суровой каменной стены
стою, молчу в торжественной печали, —
приехавший сюда из дальней дали,
чтоб поклониться невским берегам.
А над стеной колышутся туманы,
и ледяная влага непрестанно,
как струйки слез, стекает по камням.
Гляжу на пламя Вечного огня —
он, словно шелк, среди камней взлетает;
идут года — оно не иссякает,
горит, как факел завтрашнего дня.
Ударятся в подножье этих стен
времен грядущих пенные волны,
но эти камни столько славы помнят,
что им не страшен ветер перемен.
Строга, сурова летопись камней:
смертельные бои в ней отразились,
и так ее скрижали наклонились,
чтоб бронза слов была еще видней...

Рожденный в недрах невосковой черноты,
здесь гулкий ветер пролетает низко,
огонь трепещет возле обелиска,
качаются измокшие кусты.

Спокойно спят под Вечною стеной
те, чьи сердца и в гибели сияют:
они костры свободы зажигают,
зовут народы на священный бой...

Нет сил уйти от Вечного огня.
Иль это моря близкое дыханье,
иль бронза слов струит свое сиянье
мне в сердце, — но сегодня счастлив я.

Исхлестан острым ветром Ленинград.
Сырая ночь. И хмурый снегопад.
И, тягостно скрипя, деревья гнутся...
Но в непогоду звонче во сто крат
я слышу песнопенье революции.

У пламени высокого стою.
Себя в былом,
в грядущем узнаю.



БАЛЛАДА О ВЕТРЕ

(Из цикла «Песни о Баку»)

Ты ночью в мое постучался окно,
и я отворил тебе двери балкона,
ты, Каспия ветер, сын грозного моря,
друг чаек, ревнитель стремительных
волн.

Входи. Побеседуем.
О кораблях,
их тайных мечтаньях,
когда на рассвете,
под взмахи и посвист
попутного ветра,
уходят они в вечно новую
даль.

Давай разгадаем,
о чем в темноте
беседуют молча
два бакена в море:
о долге, разлуках,
содружестве в море,
отваге людей
от земли вдалеке.

Знавал я такого, как ты,
на Алтае
бродягу, веселого гостя ночного.

Ко мне он спускался
со снежных вершин.

Он запахом кедра мне в комнату веял,
он с пастбища запах костра доносил,
дух шубы чабанской, отцовой, овчинной,
дыханье сторожкого, верного пса
и рыси, что ночью крадется к отаре,
и пороха запах — дымок из ружья
охотника-брата...

И вот ты приветно
взъерошил мне волосы, бегло погладил
мне голову — и неумное сердце
насытил такими вестями, что петь мне
всю жизнь — и не хватит всей жизни моей,
чтоб песней поведать:

как любишь ты Каспий,
как ночью прекрасен твой город Баку;
о звездах, горящих над морем бессонным,
о сердце мятежном, привольном, влюбленном,
о свете небес
и огней на борту...

Мне шарф подарил ты —
бакинского ветра,
приморского ветра
тугую струю...
И дальше умчался
гулять на просторе:
ведь в комнате нечего
делать ветрам!

Спасибо тебе за подарок!
Отныне
я с шарфом бакинского ветра ночного,

соленым и свежим,
по белому свету
иду, окликаю пространство и время,
и душу мне греет
тот ласковый шарф.



ПРОЩАНИЕ С БАКУ

Я уеду...
И останусь.
Как на волнах блик веселый
в вечном Каспия блистанье,
как в заливе
блик печальный
у Приморского бульвара.

Я уеду...
И останусь.
Словно перышко от чайки,
что кружит над спящим морем.
В криках чаек
я останусь,
в белоснежном их паренье
над сияющим лиманом.

Я уеду...
И останусь.
Невидимкою полночной
лунным берегом бакинским
тихо я пройду один
меж мерцающих витрин.

С грустью светлой
выйду к молу,
устремлюсь я взглядом
к морю,

буду с ним наедине.
Море — это тоже горы.
И средь волн окаменевших
я, уехавший,
останусь.



* * *

Валентину Распутину

Я был тогда
еще ребенком малым.
Мы с матерью
на берегу Катуня
стояли и увидели: к верховью
летят три гуся низко над водою.
И вдруг один, взмахнув крылом, перо
белейшее
 сронил,
и, покружившись,
оно передо мною опустилось.
И вот теперь
мы снова на Катуня:
я с матерью, совсем белоголовой,
и рядом зачарованный мой
сын...
Я белое перо —
гусей подарок —
теперь макаю в красные чернила,
о жизни
кровью сердца повествуя,
как было мне
судьбою суждено.



СЛУШАЯ КУРМАНГАЗЫ...

Кони, кони, кони мчатся,
хрипы, ржанье, едкий пот,
спины крепкие лоснятся.
Степь кипчакская поет.
Ковыли ковром ложатся.

Топот, топот, топот, топот...
Это песнь Курмангазы.
Это мук сердечных шепот,
и орлиный жадный клекот,
и предвестие грозы.

А заря на горизонте
полыхает все сильнее...
Отражают отблеск красный
спины мокрые коней.

Ждет батыров бой кровавый,
только им неведом страх,
поднялись не ради славы:
имя чье-то на устах, —
имя родины любимой,
в сердце трепетно хранимой, —
да прославится в веках!

И столетье за столетьем
исчезало словно дым...
Сказ звучал над степью вечно.
Над простором ветровым.

В столах домбры — страсти битвы
и страдания людей,
и бессилне молитвы,
ржанье яростных коней.

Может быть, от этой песни
ноет сердце у меня;
вижу, как батыр безвестный
горячит в бою коня.

Вижу тот поход последний
так, как видели века —
воскрешает жизнь кочевий
звуков бурная река...

Топот, топот, топот, топот,
сердца раненого стон,
мук его бессильный ропот,
звон струны и битвы звон...



ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Гневный взор мой,
в глубины веков проникая,
видит штрихи былого:
козни строя,
на земли Алтая
недруги зарятся снова.
Свод небес —
древнетюркская юрта,
приют голубой и огромный.
Золотая стрела богатырского
лука

устремляется к солнцу
с тетивы напряженной.
Вновь некто свирепый
на тюрков полки направляет,
кичась своей мощью и силой,
кровавый погром затевая,
вещает Алтаю
шипением Великого Змея:
— Богат этот горный кров.
Горд тюрков свободный конь.
Гордому роду — кровь!
Юрте Алтая — огонь!
О, сердце в груди!
Я вижу:
волк со знамени тюрков
бежит впереди!
Мудрый Бильге-каган
встревожен за свой народ.

Воинственный Кюль-тегин,
сжав зубы, глядит вперед...
А позади — мой Алтай,
как шлем богатырский,
крут...
А по морщинам гор,
как думы,
тучи бегут...
...Давно мы не древние тюрки,
не тот
одинокий и горестный род!
Народы слились, словно реки,
в единый и гордый народ!
Чисты наши мысли,
как скалы Алтая, чисты!
Могучее войско —
лишь страж пограничной черты.
Но вольнолюбивые предки
глазами потомков глядят.
Погибшие предки вложили
мудрость отцов в мой взгляд.
С какой стороны б ни грозили,
беснуясь, моей стране,
кровь тюрков бурлит,
память древнего подвига
будит
во мне!



РОДНЫЕ НАГОРЬЯ

В просторе нагорий,
вдали от житейских разладов,
валами зелеными
к солнцу вздымается лес...
Там светятся
белые кисти
немых водопадов,
свисая со скал,
подпирающих полог небес...

Туда!
Искупаться в пылающем солнце,
одеться
прозрачной прохладой,
сияющей свежестью гор,
чтоб снова
грохочущей речью
потряс мое сердце
язык летних гроз,
чтобы вновь прояснился мой взор!

Пусть душу омоет
слепящее полымя света —
себя без остатка отдам
озаренным горам:
подставлю ладони
аржанам¹ алтайского лета,

¹ Аржан — родник.

подставлю лицо
обжигающим светлым ветрам!

С травинкой и камнем
незримую связь обретая,
почувствуя вновь
в неделимой природе огня,
как тело мое
превращается в тело Алтая,
как солнце и ветер
вливаются силой в меня!

Стеклянные ливни,
звения,
соскользнут с небосвода;
улыбкою солнце блеснет,
засверкает зенит...
Священной водой
окропит мое сердце природа,
внезапная мудрость
раздумья мои озарит.

Тогда —
долгожданный венец
моего воскресенья —
мне встретятся люди —
родные мне жители гор...
Естественный, словно река,
небеса и растенья,
я с ними о многом тогда
заведу разговор...

С восторгом, с печалью
одно человеческое слово
вернет меня в жизнь
в сокровенной ее тишине...

Душа успокоится,
дух распрямится, и снова
былое бесстрашие
надолго вернется ко мне.

Родство наше кровно, о люди,
и в счастье, и в горе.
Я снова живу,
словно сбросивши тягостный груз...
Теперь, исцеленный
целительным солнцем нагорий,
как бурный и свежий поток,
я в долину
ворвусь!



АЛТАЙСКАЯ НОЧЬ

Серебряный звон в тишине
над снежными гребнями гор
не мешает луне
с вершиной
вести разговор...

Серебряный звон в небесах...
О чем в далеких лесах
шепчут ветра кедрачу?

А по горам
над долинами,
моргая ресницами длинными,
маралы идут к ручью.

Голос бессонных рек
звучен в ночной тиши.
Тихо поет человек
песню своей души.
Видно, молчать невмочь.
К звездам стремится взор.

Серебряно-звонная ночь
над белыми кряжами гор.



ЖИТЬ!

Гореть так гореть —
пусть пламя до Солнца
взметнется!

Звенеть так звенеть —
пусть песнь в небесах
отдается!

Любить так любить —
пусть вешнее сердце
забьется!

Прожить так прожить —
пусть жизнь через край перельется!

И бить — так уж бить,
за правду расходуя силы;
не быть — так не быть,
не нить у разверстой могилы;
на белом на свете
хранить до немого предела
лишь ценности эти —
любовь и любимое дело!



ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Выехать бы мне на аргамаке,
да с запасом полным в арчимке,
да проехать на лихом коне
по алтайской горной стороне!
Истомясь душой от тесноты,
со скалы глядел бы, как с небес,
как уходят
горные хребты,
на горбах, вздымая,
древний лес...

Созерцая неприступность гор,
стал бы вновь
неукротимым взор...

Темный ельник мимо прошагал,
а навстречу,
убегая ввысь,
мимо мхом обросших синих скал
реки белопенно вознеслись!

Неумолчный рокот буйных рек
счастье насулил бы мне
навек...

Лунным светом ярко осяян,
спит Алтай,
и ночь белым-бела...

Я

к цветам распластанных полян
низко наклонялся бы с седла...

Средь теней

касался бы слегка

я ресниц пушистого цветка...

И провел бы долгие часы

я под кедром,

звонким от росы:

вел бы, серебристо зазвенев,

мой топшур¹ щемящий свой напев...

Вечным сном охваченная мгла

вспомнила бы клетоты орла,

и сказанья,

полные мечты,

вспомнили бы снежные хребты...



¹ Топшур — музыкальный инструмент.

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА ЛЮБВИ

Бери мое сердце —
раскрыта ладонь.
Дарю тебе этот
заветный огонь.

Лишь сердцем, быть может,
тебя я достоин.
Лишь сердцем. Оно —
мой единственный воин.

Лишь сердцем увидел
я лик красоты:
твои дорогие
черты.

В тебе
человека небесную сущность
открыл я,
а думал,
что это —
в грядущем...

И сам я с тобою
не знаю бессилья.
Гляди: серебрятся
в ночи мои крылья.
По лунной дороге,
седому лучу,
мне кажется,

в небо
лечу...

Ты царствуешь в сердце моем,
но не рабской
да будет любовь,
а с повадкой царской.

И щедрой, и вольной.
Такая природа
любви,
что закон ей,
как птице, —
свобода!

Бери мое сердце.
Раскрыта ладонь.
На вольном ветру
полыхает огонь.

Бери мое сердце.
Бери.
В ответ ничего
не дари.



ДЕТИ ГОР НА УЛИЦАХ ГОРОДА

Мне радостно, весело видеть,
как дети алтайских аялов
проходят по улицам шумным.
Их щеки горят на морозе,
глаза их, тела и движенья
пронизаны ветром предгорий,
дыханием пастбищ весенних.
Журчанье ручьев родниковых
в их разноголосице слышу.
Их волосы ливнем внезапным
омыты на сенокосах,
в лесах, на полянах цветущих.
И молнии их озаряли,
и грозы над ними гремели,
когда, ухватившись за гриву,
они на конях пролетали
по солнечным пастбищам горным.
Таежные тайны Алтая
в сердцах их живут от рожденья;
и тишь черноглазых глазенок
любовью наполнена к людям.



ОТВЕТ НА ЖАЛОБУ

Нас, говорит он,
держат в черном теле,
ввысь не пускают
среди бела дня!

Но кто же
виноват на самом деле?
Безделье наше,
наша болтовня!

Счет предъявляй
пустому самомнению.

Суть
нелицеприятна и проста:

мы одержимы
азнатской ленью,
а что еще нас держит?

Маята!



ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

С давних пор в Сростках люди похожи
на скуластых моих азиат,
и у них, как алтайцам положено,
чуть раскосый с прищуриной взгляд.

Прежде здесь кумандинцы живали,
а теперь здесь их вроде бы нет:
что деревню они основали, —
подтверждает немало примет.

Паренек вырос в Сростках вихрастый,
сын России, мне названный брат...
Ох, калинушка, ягода красная,
ты горька, кто же в том виноват...

Есть закон у природы всеильной
(убеждать никого не берусь) —
в человеке, подобном Василию,
слита с Азией Древняя Русь.

Песни в сердце рождались прекрасном —
жизнь не так-то проста и легка...
Ох, калинушка, ягода красная,
ты, как горе людское, горька.

Зажелтел склон горы облепихою,
голубая река воды мчит,
по-над нею вдовой горькой, тихую
одинокую калина стоит.

Вот такие уж тут печки-лавочки...
Ты сгорел. Ты безвременно пал.
Вот такие уж тут печки-лавочки.
Я с калиной тебя провожал.

А хотел всякий житель наш местный,
чтоб вернулся на родину ты:
не за то, что писатель известный,
а за то, что большой доброты.

Катит воды Катунь голубая —
к океану — вперед и вперед.
Суждена, знать, ей доля такая,
и ничто ее вспять не вернет.

У тебя был, Василий Макарович, —
по упорству реке ты под стать, —
замечательный русский обычай
людям сердце свое отдавать.

Осень. Ягода тут созревает,
суетится при деле народ...
Облепиха совсем золотая...
А калинушка кровь льет и льет.

Там, вдали, где-то кони заржали,
в ржанье этом мне слышится плач,
столько в нем человеческой печали...

Затянул песню грустный кедрач.



КАСПИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

На отчем перевале — в туман и дождь —
весной
с коня смотрю на дали страны моей родной.
Снега, блистая, тая, светло поют вокруг...
Святая жизнь Алтая идет на новый круг...
Кричу и звонким смехом приветствую простор!
Мой голос гулким эхом
летит в теснины гор!
Час вечного кочевья!
Хочу вершить свой бег,
где древние деревья роняют слезы в снег...
На гребне перевала
мой крик — орлиный крик.
Кому ума достало сказать, что сник
Самык?!
Хотите ставить точку?
Ну, нет, еще споем!
Я справлюсь в одиночку,
где вам слабо вдвоем!
Прошла зима бессилья:
я вновь неукротим!
Плащ, распахнись, как крылья!
Скакун — вперед! Летим!



* * *

Голубых вечеров голубые снега.
Дальней горной гряды голубая дуга.
Как мечты голубые, чисты и легки,
выются, в небо всходя, голубые дымки.

Как изменчива жизнь
в неизменности гор!
Белый лебедь блеснул и пропал
среди озер,
но лететь, оперяясь,
другим лебедям
к голубым и таинственным
будущим дням...

Только б с прежнею мощью
неслась сквозь века
голубая Катунь, белопенна, звонка!
Только б с прежнею силой
снял надо мной
сосен вечнозеленых
туман голубой...



БРАКОНЬЕРЫ НА АЛТАЕ

В богоданном Хан-Алтае
расплодились браконьеры.
Травят зверя, вырубают
лес — без разума и меры.

Где кедровники шумели,
там пила визжит ночами.
Драгоценные орешки
на базар везут пудами.

Всю тайгу уже изрыли
в жажде «золотого корня»,
обирая тех, кто болен, —
врачевать, мол, не зазорно!

Мумиё копя усердно,
горы отчие облазив,
продают дары Алтая
и в Крыму, и на Кавказе.

Чолушманская долина
золотилась облепихой.
Опустела. Браконьеры
с топором гуляли лихо.

Где вы, гордые маралы?
Ваши панты — вам на горе!..
Соболя, сурки и норки
в ужасе забились в норы.

Ненасытны живодеры!
Для чего, кому в угоду
рубят, травят, убивают
безответную природу?!

Благодатного Алтая
на глазах богатства тают.
Чем столетья мы гордились —
дети наши не узнают!



* * *

Один падет за сто друзей,
Другой падет за сто рублей.

Тот — словно песня для людей,
и счастлив радостью друзей.
А тот — слепой природы злей
и зверя дикого лютей.
Удача друга — злит его,
а горе — веселит его.

Мы в космосе одной ногой,
в животной косности — другой.

Один умрет за сто друзей,
другой убьет за сто рублей!



СНЕЖНАЯ НЕЖНОСТЬ

Идет снег белый,
легкий снег.
Летит пух лебединый,
он покрывает все и всех
пушистою периной.
Снежинки медленно скользят,
задумчиво, певуче,
и тишину вокруг творят,
и обжигают жгуче.
Коснутся вдруг щеки слегка
и тают, тают, тают,
и нежности, любви река
мне сердце затопляет.
Сегодня люди так чисты,
взволнованы, красивы,
так верят — светлые мечты
их сбудутся счастливо.
Земле к лицу и тишина,
и доброта, и нежность.
И уж, конечно, чистота,
и кипящая снежность.
Пусть и будет ясным день —
сегодняшний и каждый.
Да не достигнет его тень,
с небес слетев однажды.



ВОКРУГ МЕНЯ — МИР

Пусть утонул в снегопаде
до крыш,
мил мне мой маленький город!
Скрипом
скользящих стремительных лыж
воздух предгорий
вспорот!

Снится весна голубым тополям,
лица студенток румяны.
Солнце,
бродя по небесным полям,
с гор прогоняет туманы.

Сколько знакомых!
Как добр милый край!
Как белоснежна округа!

Сердце,
любовью полно через край,
ищет по улицам друга.



ПЕРЕВАЛ

Волны вздыбились до неба
и навек окаменели.

И — от каменных подножий —
вдаль раскинулись долины.

Ветер спину выгибает
над кедровым перевалом.

Из глубин времен прошедших,
в глубину времен грядущих,
низвергаясь, зависают
пролетающие реки!

Нерастраченный, могучий мир предвечного
Алтая —

жив извечно,
мой — навеки!

Здесь, в дали тысячелетий,
вижу славного батыра —

витязя Козын-Эркеша,

он стоит на перевале
рядом с верным аргамаком,
горы, реки и долины —
край родимый озирая,
слезы чистые стекают по щекам его каленым.

Я стою на перевале — сын великого Алтая,
родиной не налюбуюсь,
не нарадуюсь простору
молодой летящей жизни!
И пройдут тысячелетья —
знаю —

этот мир не канет,
не иссякнет, не погаснет.
И на этом перевале,
из Вселенной возвратившись,
брат — космический кочевник —
встанет, дали озирая
непогасшего Алтая,
восторгаясь красотой,
силою родного края.
И слеза любви и мира
по щеке его стечет!



ПЕСНЬ О НЕИСТОВОМ СЕРДЦЕ

В пасти черного ущелья —
гулкой топот аргмака.
В черном приступе веселья
засмеялся демон мрака:
хохот грохотом обвала,
эхом в скалах отдается!
Впотьмах вскачь во тьме провала
в ночь неистово несется...
Демон мечется, хохочет,
демон давится от смеха,
духу смертного пророчит
смерть — мучительное эхо:

— Ты небес не почитаешь,
не страшишься бесов мрака,
ты всему предпочитаешь
острый меч да аргмака,
ты ни в чем не знаешь меры,
страсть твоя неукротима,
ты без кротости и веры
дерзко скачешь мимо, мимо!
Ты силен — но не бесплотен,
ты могуч — но не бессмертен!
Твой скакун — один из сотен —
в споре с ветром — незаметен,
ты бахвалишься геройством,
издеваешься над страхом,
поразмысли с беспокойством,
что в конце — пребудешь прахом!

Над супругой ненаглядной
надругается твой недруг,
матерь в доле безотрадной
нищий дом откроет ветру.
Это тягостное бремя
заключит твой дух в неволю.

Оглядишься — еще есть время! —
избери попроще долю...
Звездоглазая супруга
бережет тепло постели,
ждет единственного друга,
что ж ты медлишь? Полетели!
Если в войнах бесконечных
вновь не примешь ты участия —
что случится? В ласках вечных
ждут тебя восторг и счастье!

Ветра черного объятья.
Вечер. Сумрачные скалы.
Духа черного проклятья,
визги, злобные оскалы.
Витязь гордый и ретивый
в ночь коня без звука гонит,
и копьё над конской гривой
не шелохнется, не дрогнет.

Пред глазами у героя,
чья душа неукротима,
бронзовые блики боя,
кровь и гибель побратима...
Мчитесь витязь без молитвы
под-над пропастью, по краю...
Он погибнет в звоне битвы?
Победит он? Я не знаю.

Но живут в его обличье
осиянно и незримо
сердца гордого величье,
дух, чья страсть неукротима.



ЯИЛЮ — ЛЕТНИЕ ПАСТБИЩА

Скоро
в горы вернусь...
По зеленым ущельям плутая,
скоро вновь поднимусь
на хребты голубого Алтая,
устремлю долгий взор
на безбрежно-туманные дали,
среди солнца и гор
захлебнусь от любви и печали...
Эту ширь вперед
тотчас памятью сердца узнаю,
и стеснится в груди
боль причастности к отчему краю.
Воля сердцу нужна,
чтоб изведать всю силу причастья:
вот народ и страна —
сердцу этого хватит для счастья!
Только б с ветром седым
в сокровенности тайного знания
шел кедрач, невредим,
наши древние песни-сказанья,
и ледник среди скал,
в сне-молчании слушая вечность,
над грядою сверкал,
с облаками скользя в бесконечность...

Вот и юрты встают
 над холодным и свежим потоком.
 Пастухи здесь живут
 в бытне и простом и высоком.
 Здесь же предки мои
 скот пасли и охотой кормились,
 здесь звенели бои,
 когда пращуры с недругом бились.
 Поклонялись Земле,
 Небу, Кедру, Снегам Перевала,
 привозили в седле
 рогача — золотого марала.
 Воин — горд, светлый взор —
 здесь придерживал бег аргмака...
 Коновязи узор...
 Услышав, как взывает собака,
 прадед мой, бородач,
 слушал здесь, предвкушая ловитву¹,
 как под осень пантач²
 ревом
 недруга вызывает на битву...



¹ Ловитва — охота.

² Пантач — марал.

В ГОРНИЛЕ ПЕСНИ

*Алексею Григорьевичу Калкину,
народному сказителю Горного Алтая*

1

Млечный Путь — берега
Ябоганской ночи,
с другом у очага —
мы в аиле кайчи.

После трудных наук,
после споров и книг
погружается друг
в наш алтайский язык.

2

Боевой тетивою
загудела струна,
богатырской волною
мир вздымая со дна.
Слышу Азни силу —
бубен яростных бурь!
Вижу Азни милой
неземную лазурь!
И грохочет, и пляшет
бронза, золото, сталь!
И клекочет, и плачет
за курганами даль!
Бьется беркут свободы
в небе с беркутом зла,

с добрым духом природы
бьется желтая мгла,
на долину без края,
за гористый предел
оперенье роняя
черной тучею стрел!
То из далей Алтая,
через ветер и мрак,
не ко мне ли взывает
верный конь аргамак?
И созвездья — стоустым
хором вечных лугов —
раскрываются с хрустом
близ лица моего!..
Кровь моя иссякала —
забурлила опять!
Сила ниц поникала —
стала силой опять!
Упираюсь главою
в синезвездный зенит,
и душа тетивою
боевою звенит!

3

Стою —
Козын-Эркеш — алып¹,
дитя алтайских гор —
плечо мощнее черных глыб,
подобен звездам взор.
Непрерываема, вольна,
светла душа моя.
Неиссякаема, сильна
живая кровь моя.

¹ Алып — легендарный богатырь.

Где притеснитель бедноты,
где покоритель стран,
где схоронился злобный ты,
звероподобный хан!
Удвоят волю честь моя,
хоть жги меня, хоть режь,
утронит силу месть моя!
Стою —
Козын-Эркеш!
Убьют — я воскресая вновь,
иду во вражий стан,
от ярости глотая кровь,
меня встречает хан.
Меня и черный Айбыстан¹
напрасно не гневит,
Вослед мне белый Курбустан²
с опаскою глядит.
Я знаю —
девушка живет,
чей лучезарный вид,
один лишь вид, меня спасет,
любовью оживит.
И пусть, в какие бы края
судьбой не занесло,
придет к ней весточка моя —
гусиное крыло!

4

Вы лили яд в мое вино,
обманом бросили на пики,
но воскресал я все равно,

¹ Айбыстан — имеется в виду царство.

² Курбустан — верховное божество (прим. автора).

и как народ вставал —
столикий.

Я — сын табунщика, раба,
Непобедимый сын Алтая,
громить врагов — моя судьба,
простой народ освобождая.
Да, был повержен мною хан,
хотя владел ордой великой,
но, попирая вражий стан,
я не старался стать владыкой!
Освободить простых людей,
крушить неправды мира смело —
то было дело жизни всей,
мое единственное дело!

Б

Жизнь моя иль дорога
далека и длинна —
перевидел я много,
и во все времена
я в походе,
в седле я —
сын раба, но не раб,
стал с веками мудрее,
но в боях не ослаб.

Я — работа, природа,
я — сказаний язык,
я — надежда народа,
страх неправых владык!
Под дорогою Млечной,
под златою луной
я над Азией вечной —
вечный ветер ночной!

Ярых
беркутов битвы
синева растворила,
стихли
бубны сражений,
храп коней боевых...
Над дымком лиственничным
в полумраке аила
мудрый голос кайчи
отгремел и затих.
Слово,
давшее нам сокровенное зрение —
слово Алтая,
прорастает, светает,
сердца окрыля,
обожженные в яром горниле
могучего кая,
мы сильнее,
мудрее,
нам ближе
родная земля!



НАД ВЕСЕННЕЙ КАТУНЬЮ

Рассвет над весенней Катунью
недаром
пригоршнями белый туман расплескал:
малиново-красный маральник пожаром
пылает на выступах розовых скал.
Ликующе звонко звенит моя песня,
вливаясь в живые просторы, где вновь,
как крылья,
возносят меня в поднебесье
любовь к моей милой и к людям любовь!
Не вечно звенеть мелодичному эху.
Когда я умолкну, без слез о былом
меня на крыло положите, а сверху
укройте вторым белоснежным крылом...
Ведь я окружал вас при жизни любовью,
как скалы Катуни, как легкий туман,
как алый маральник...
Невиданной новью
был каждый мой день осиян!
То время — далеко. Не надо печали.
Я жив! Я вершу над Катунью полет!
Волшебными крыльями трогаю дали,
серебряной песней бужу небосвод!
Осколками сердца — рассветные блики.
Над цветом маральника, хвоей сосны
в верховья Катуни, на гордые пики
лечу — зачарованный лебедь весны!

КОГДА-НИБУДЬ...

Когда-нибудь ко мне
приедешь в гости ты
и выйдешь на берег Катунн.
И там,
в сиреновом багульника цветенье
чей голос ты услышишь?
Чье шептанье
почудилось тебе в туманной дымке
над тишиною утренней реки?
Тебе приснятся золотые сны,
где будут лебеди
белеть на водной глади
и, растворяясь, уплывать в туман...
Ну разве мало этого —
быть вместе?
И прислониться к дереву,
и чувствовать, как сердце
замирает,
и превращаться в музыку,
глядеть глаза в глаза,
сливаясь с деревом, с водою
и с землей...
Ну разве этого нам мало —
что мы встретимся?



МЫ БЫЛИ ПОХОЖИ...

Мы были похожи с тобою на пару гусей,
что к безвестной звезде стремилась,
задыхаясь, глотали воздух осенний,
темноты не страшились.

Нам вслед летели сонных птиц голоса,
тех, что жили на теплых озерах,
птицам сытым, ленивым не взлететь
в небеса, —
высота — им, бескрылым, — что порох.

Ночь, бездомная стылая ночь.
Ветер хлещет ее нестихающий.
Прочь от осени, прочь!
Манит высь, беспредельная высь,
блеск звезды
немигающей.

Вот уж слышится скрежет железных
когтей.

Настигает добычу сокол.
Помогите же, ветры,
распахните дороги скорей,
простор впусните широкий.
Осветите нам, молнии,
темень ночей!

Что же делать, любимая, что?
Ты устала и вновь
опустилась к себе на озера.

Может, ты и права — я пойму, как никто,
от меня не услышишь укора.

Без тебя, дорогая, отправился в путь,
улетаю к звезде той далекой...
Сквозь бураны и вьюги пробьюсь как-нибудь.
Только мне без тебя одиноко.

Что же делать? Ведь там затаилась беда —
впереди стережет меня сокол,
и мерцает, мерцает призывно звезда —
и заманчивая, и жестокая.

Улетаю.
И это — моя правота —
ты поймешь меня, милая, знаю.

Мы были похожи с тобою на пару гусей...



РАБОТА ВЕСНЫ

Львы, разламывая клетки,
из неволи убегают.
И, асфальт пронзая, травы
жадно пьют весною солнце.
И оковы ледяные
реки сбрасывают в море.
И земля свой белый саван
превращает в пар над пашней...
Все земное оживляя,
нам весна готовит звонкий
праздник лета золотого.

Кедр в скале пускает корни,
обвивая ими камень.
Ледники, струясь ручьями,
пробивают в скалах русла.
Все стремится к жизни, к свету.
то идет весны работа.



НОЧНЫЕ ТОПОЛЯ

Тихий шелест ночных тополей.
Тонкий шепот ночных тополей.
Хмурый шорох ночных тополей.
Робкий ропот ночных тополей.

Плеск. Журчание. Тени в траве.
Лунный блеск в серебристой листве.
Отчего так вздыхает листва?
Всеобъемлющим чувством родства
связан с каждым листком бытия,
с тополями тревожусь и я...

Вспоминаю сверканье гор,
океана слепящий простор,
ржанье-зов аргамаков лихих,
гул-бурленье аржанов живых...

Все яснее для сердца теперь
осознанье щемящих потерь,
уходящего лета печаль,
даль любви, стран невиданных даль...

Свет-качанье ночных тополей.
Свет-звучанье ночных тополей.
Детский лепет ночных тополей.
Вечный трепет ночных тополей.
Сердцем вижу в деревьях ночных
свет и горечь раздумий моих.

ПЕСНЕЙ ЛЮБОВЬ ВОЗНЕСУ

(По мотивам алтайского эпоса)

Резвый конь по каменистой мели
пересек струю Урсул-реки.
Жарко на меня глаза глядели
из-под узкой девичьей руки.
Медлила ты, зачерпнув водицы
на закате голубого дня...
Заглянув под черные ресницы,
отчего я не сошел с коня?

Бил копытом аргамак могучий,
сеял брызги в дымчатую мглу...
Имя я спросил, и ты певуче
назвалась мне тихо: Ай-сулу...
Голос чистый, как у певчей птицы.
Нежность защемила сердце мне.
Ручейками черными косицы
разбегались по твоей спине.

Был ли, не был, я исчез из виду,
за конем упал туман цветной...
Ты глядела, затаив обиду,
как смыкались сумерки за мной.
С той поры лесами и долами
голубые сны летят, клубясь,
и кукушка, затрещав крылами,
мне поет, присев на коновязь:

— Ты стремился к ликованью битвы,
к яркой славе в пламени войны,
но теперь пусты твоя ловитва,
беспокойством дни твои полны.
Об орлином сердце нет помину,
коль душа печалью пленена...
Жизнь была подобна песне-грому,
жизнь отныне тьмой окружена.
За хребтами, за грядою синей
плачет та, что всех тебе милей,
и мерцают, словно льдистый иней,
жаркие глаза любви твоей.

Молодцы к тебе порою вешней
без толку стучатся в скорбный дом.
Нет от них отбою! — у сердешной
все печали — о тебе одном.
Поспешишь — о счастье возведу я,
а промедлишь — счастье ускользнет! —
так поет крылатая вещунья
с коновязи ночи напролет!

Ночью серебристой, звездной, лунной,
кто там мчится вскачь на скакуне?
На свирели, колдовской и чудной,
кто играет песни при луне?
— Милую крутой тропой оленьей
на святые кряжи унесу!
Над судьбой родов и поколений
страсть свою, как песню, вознесу!



БОГ? ВЕЛИКАН? ЧЕЛОВЕК?

Вонзился
в панцирь Вечной Гривы¹ снежной
последний луч
исчезнувшего дня:
разбрызгивает свет во мгле безбрежной,
как жаркий уголь с искрами огня...

И облака,
в кипящем летнем зное
багряно опалив свои крыла,
к вершинам льнут,
где в голубом покое
их остужает и лелеет мгла.

Я — на звериной тропке перевала,
парящего
в глубоких облаках, —
жду к ночи одинокого марала,
старинное ружье держа в руках.
Во мраке гор я выдюжу,
не струшу:
едва возникнет зверь,
как в тот же миг
я погублю его живую душу:
кровь заструится, что святой родник...
Но умница, олень ветвисторогий,
издалека учуявший напасть,

¹ Вечная Грива — название горы.

неслышно проскользнул другой дорогой,
чтоб под дурную пулю не попасть...

Взметнув прощально всполохи,
как флаги,
на Вечной Гриве
яркий луч потух,
и облака,
испив целебной влаги,
поджали крылья,
переводят дух.
И вот на горы, водопады, лес,
как беркут,
опустилась тьма небес...

Хребты,
во тьме вздымаясь гордо ввысь,
с небесной близкой бездною слились;
усыпали созвездья небеса,
и россыпями светится роса:
как будто небо в звездном серебре
отражено в некошеной траве.

Как мой собрат,
прекрасный горный зверь,
всем существом я чувствую теперь,
что слился с миром мой свободный дух
сквозь осязанье, зрение и слух
и главное в нависшей тишине
шестое чувство открывает мне.

Коснусь ли звезд рукой — и наяву
они с шипеньем падают в траву,
сорву ли стебель пучки — и дождем
сок брызнувший осыпет окоем...

Поднявшись,
загляну за перевал:
внизу грохочет время, как обвал...
Я чувствую, как грозно подо мной
качается в пространстве
шар земной...

Какая мощь во мне!
Едва вздохну —
нависший полог неба всколыхну.
Вселенную оглядываю я,
как бы уже за гранью бытия...

Созвездия вершат извечный бег.
Я — бог?
Я — великан?
Я — человек?

Но кто увидел, как я здесь возник?!
Кто мне ответит
в этот звездный миг?!



ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ

Люблю людей...
Чем старше становлюсь,
тем больше
этой нежности дивлюсь.
Я на чужбине и в родном краю
в прохожем каждом
друга узнаю...

Достатка мне
не принесло перо!
Да были б совесть,
нежность и добро!
Да был бы человек,
мой друг и брат,
перед которым
прав и виноват...

Иду ли вверх?
Но — дружба посреди.
Живу в тени?
Но — с песнями в груди!



* * *

Лазарю Кокышеву

Ты от нас далеко,
к дальним звездам ушел,
друг,
теперь
без тебя
манжерокский маральник,
сирень Улалы,
прикатунские яблони
будут цвести...
Без тебя загораться семинским жаркам...
Но
цветущая, вечная
песня твоя молодая
в каждом сердце останется вечно цвести —
не старея и не увядая...



С еланей кони нам приносят тайны,
смородины вкуснейшей дух,
цветов отцветших легкий пух
и сладостный, густой, необычайный,
нежнейший аромат лесной малины...

Мы слышим крик далекий журавлиный.
А там встает кедровника стена
с ее загадочным тугим гуденьем,
мерещатся вдали стада оленье,
над ними звезды и луна...

2

Так хочется батыром стать,
взнуздать горячего коня —
и вскачь, подковами гремя,
и во всю мощь орать, орать,
чтоб выход буйной силе дать,
чтоб знали — едет молодец
(под ним свирепый жеребец),
он сросся намертво с конем —
и как стрела — за окоем.

Едва заслышит ребягня
глухое цоканье коня,
она не усидит в домах,
облепит все заборы — ах!

Сердца трепещут у детей
при виде взмыленных коней.
Веселый праздник у ребят,
глаза таращат и галдят.

Жизнь наша — что простор степной,
а сердцу сытый чужд покой,

несется в нетерпенье так,
как может только аргамак...

Жизнь устремляется вперед,
кто остановит, кто прервет?
Полна живительным огнем.
Сравнить хочу ее с конем.



1982—1988

Поклонение
БЕЛУХЕ



1915-1916

КАСПА — РОДНОЕ СЕЛЕНИЕ

Там, за горами, далеко-далёко,
в селе алтайском,
среди лесов крылатых,
в дыму черемух белых
опустелый
я вижу дом
и юрту, как шалаш...
За ними, за бугром,
под белым камнем
лежит отец,
и тихую могилу
привычно перешагивают овцы,
пасутся мирно, точно облачка
белея над могильным теплым камнем..
Мать и сестренка в доме:
только двое
осталось от разметанной семьи...

Какой простор! На склон горы взбираясь,
родимое селенье высью дышит.
А дальше, за долиною Катуня,
Чемал вздымает снежные вершины,
белеют три Сумера, величавой,
бессмертной думой озарив чело...
Среди этих гор могучих, исполненных
вершин — мое село, моя отчизна,
Каспа моя заветная лежит.
Здесь каждый дом мне мил,
и каждый житель —

мне родственник, брат сердца моего.
Вот где моя
незыблемая крепость,
и колыбель,
и сил моих источник.
И стоит возвратиться мне сюда,
мой дух опять привольно воспаряет,
как в юности, ликует и летит.
А лишь заговорю со старожилем
мест этих отчих,
мысль моя смелест,
светлест взор, и вновь дорога жизни
передо мной не слишком тяжела.



АЛТАЙ — ГИМАЛАИ

*Великому сыну России и Индии:
Святославу Рериху*

Где Гималан
космоса коснулись,
есть Индии жемчужина —
Кашмир.

Здесь древние религии
сомкнулись,
здесь Рерих постигал
глубокий мир
легенд и притч,
лучистых откровений,
святых пророчеств,
огненных идей;
здесь разница
религий и молений
людей не отделяла от людей...
Одно
наивной прелести сказанье
гласило:
Будда, прозванный святым,
душой услышав
свыше предсказанье,
шел по горам
Алтая золотым.
И, —
утверждало

звездное преданье, —
в единое сведя
и сердце и добро,
священное
таинственное знание
к пророку
на Белуху снизошло...
К подножью
несказанного Алтая
разноязычный люд
мольбы понес...
Связала притча,
горы облетая,
Алтай и Гималаи
нитью звезд.
Разумное пространство
бесконечно,
белки хребтов
сквозь облака видны.
Идея Мира
торжествует вечно,
соединив
две горные страны!
Слова «Судур»¹, «Сумер»² —
азы в алтайской речи —
взлелеяны, как чистые слова.
Они мудры,
хоть разум человеческий
в печали

¹ Судур — сутра — книга сокровенного знания (*санскрит*).

² Сумер — священная вершина (*санскрит*), Белуха по-алтайски — Уч-Сумер, три священные вершины (*прим. автора*).

различает их едва.
Но связанные
вечной сутью этой,
потоки мысли
устремляя ввысь,
Алтай и Гималаи
над планетой,
как памятники
Братства вознеслись.
Алтай и Гималаи...
Горный воздух,
священный вне начала и конца,
огнем,
зажженным на далеких звездах,
вновь освещает
добрые сердца!



АЛТАЙ — РОССИЯ

Всмотритесь в жизнь, в судьбу
всмотритесь нашу!
Алтайцы, мы извели сполна
все беды мира, мы испили чашу
несчастий человеческих — до дна!

Враги ордой катились за врагами,
сменялась новой — старая война,
цветущие долины выгорали,
но вновь трава вставала — зелена.

И возрождался мой народ из пепла
наперекор захватчикам, и вновь
работал, пел, и в испытаньях крепла
свободы жажда, к родине любовь...

Но — с запада,
и с юга,
и с востока
враги заполонили все пути,
железом, окровавленным жестоко,
решили род алтайский извести.

С востока,
с юга,
с запада — как тучи,
в крови по грудь захватчик черный шел,
но ты — ширококрылый и могучий —
их пересилил, северный орел!

Да! Если бы Россия золотая
нас не взяла под мощное крыло,
над мирными народами Алтая
навек б солнце ясное зашло!

Все племена отеческого края
погибли бы и канули во мглу.
Но чутко приживала ветвь Алтая
Россия-мать к бессмертному стволу!

И новый день явился для Алтая,
и мой народ, что ранее редел,
умножился, расцвел, перетекая
за обжитой отеческий предел.

Алтай родной певца такого явит,
такой талант, что песнею своей
державу братства, Родину восславит,
восславит солнце Ленина над ней,

восславит жизнь в красе ее и силе,
чтоб видели народы всей земли, —
мы вышли в мир, войдя в состав России,
самих себя навеки обрели!



МОИ КРАИ

Алтай, Алтай, Алтай...
Золото солнца.
Сверканье месяца-ай.
Горы, горы, горы

сквозь могучие тучи
светлы.
Гордый мой край!

Аржаны журчат,
мерцая соцветьями граней:
косули напьются —
по скалам летят,
аржаны журчат —
живая вода легких ланей...

Арчины чисты —
и склон можжевельный —
в дымчатой сини.
Вдохну терпкий воздух —
очнутя в груди моей силы.

Арчины чисты...
Блеск ледников, —
блеск клинков, —
переливы искристого цвета.

Здесь я рожден,
здесь окружен
половодьем лучистого света.

Душа
возникала цветком на скале,
озарясь
вечным солнечным блеском
или,
как дикие голуби,
расплескалась в ущельях
серебряным плеском?

Мой Алтай,
мой прозрачный кристалл,
благодатным подаренный
небом...



АЛТАЙ — ГОЛУБАЯ ТЮРКИЯ¹

(Песня о счастье)

Имя мое — Звезда,
имя твое — Цветок.
Очи, как в зной вода,
губы, как лепесток.
Имя твое — Цветок,
сладостна твоя речь,
чист и глубок исток —
вместе его беречь.
Вместе — преодолеть
все перевалы гор,
вместе грустить и петь,
лишь бы сиял твой взор.
Сталью стремян звеня,
ехать нам конь о конь,
в юрте на склоне дня
вместе разжечь огонь.
Имя мое — Звезда,
имя твое — Цветок.
Пой же и расцветай
днем и ночной порой.
Видишь — вокруг Алтай,
лебеди над горой.

¹ Голубая Тюркия — предки алтайцев называли себя «голубые тюрки».

АЛТАЙ — ШАМБАЛА*

Валентину Сидорову

Нет у меня ничего,
кроме сердца.
Но в нем —
жертвенный символ любви —
Алтай-Шамбала,
в синюю твердь головами
ушедшие горы,
все сотворенное — люди,
земля и природа,
мать,
дитя,
подруга и друг,
что судьбой суждены,
судьба, что для чистых
дел суждена...
Считайте теперь:
много иль мало...



* Ш а м б а л а — по легендам заповеданное свет-
лое будущее, время истины и справедливости.

АЛТАЙ — МОНГОЛИЯ

Гоби, Хантай, Хангай и Алтай —
здесь ветры играют, гривы взметая;
звонкую дробь по степи рассыпая,
мчат по степям табуны скакунов...

Слышится песня монгола, блистая
бронзою древних языческих слов:
— Степь золотая, счастье людей,
пой, расцветая, пой, молодец!

Песнь-Керулен, Онон-голубень,
сереброликая свет-Селенга,
лето, зима ли, ночь или день
жизнью текут сквозь цветы и снега.

Вы,
Сухэ-Батор, Дархан, Чойбалсан,
в ласковом степи-проматери лоне
кажетесь сказкой для будущих стран:
юртами на богатырской ладони!
Степи-проматери гордость и честь
ты, Улан-Батор.

Сквозь горе-невзгоды
красным тюльпаном сумел ты расцвести,
в круг собирая степные народы...

Братья по духу — единственный род,
степь стоязыкая благоуханна,

крепкую верную дружбу народ
выковал в огненной кузне Дархана!

С тяжелой поклажей верблюжьей горбы
напоминают щедрые горы;
курится дым из фабричной трубы;
дикие кони бегут сквозь просторы:

мир тебе, сильный свободный косяк!
Степь отвечает геологам щедро,
как раскрывается огненный мак —
вдруг отворяют богатые недра...

Под облаками, быстры и легки,
птицы в лучах серебристые мчатся!
А тарбаганы стоят, как пеньки,
глазки таращат и чуду дивятся.

Счастлив, Монголия, стол твой и хлеб,
белый курут и вода из колодца!
Древний вонтель, украсив твой герб,
встал в ореоле рассветного солнца,
горы твои нерушимо стоят,
громко и вечно, как бронза литая,
в свете рассветном названья звенят
Гоби, Хантая, Хангая, Алтая!



крепкую верную дружбу народ
выковал в огненной кузне Дархана!

С тяжелой поклажей верблюжьей горбы
напоминают щедрые горы;
курится дым из фабричной трубы;
дикие кони бегут сквозь просторы:

мир тебе, сильный свободный косяк!
Степь отвечает геологам щедро,
как раскрывается огненный мак —
вдруг отворяют богатые недра...

Под облаками, быстры и легки,
птицы в лучах серебристые мчатся!
А тарбаганы стоят, как пеньки,
глазки таращат и чуду дивятся.

Счастлив, Монголия, стол твой и хлеб,
белый курут и вода из колодца!
Древний воитель, украсив твой герб,
встал в ореоле рассветного солнца,
горы твои нерушимо стоят,
громко и вечно, как бронза литая,
в свете рассветном названья звенят
Гоби, Хантая, Хангая, Алтая!



АЛТАЙ — МОНГОЛИЯ

Гоби, Хантай, Хангай и Алтай —
здесь ветры играют, гривы взметая;
звонкую дробь по степи рассыпая,
мчат по степям табуны скакунов...

Слышится песня монгола, блистая
бронзой древних языческих слов:
— Степь золотая, счастье людей,
пой, расцветая, пой, молодец!

Песнь-Керулен, Онон-голубень,
сереброликая свет-Селенга,
лето, зима ли, ночь или день
жизнью текут сквозь цветы и снега.

Вы,

Сухэ-Батор, Дархан, Чойбалсан,
в ласковом степи-проматери лоне
кажетесь сказкой для будущих стран:
юртами на богатырской ладони!
Степи-проматери гордость и честь
ты, Улан-Батор.

Сквозь горе-невзгоды
красным тюльпаном сумел ты расцвести,
в круг собирая степные народы...

Братья по духу — единственный род,
степь стоязыкая благоуханна,

крепкую верную дружбу народ
выковал в огненной кузне Дархана!

С тяжелой поклажей верблюжьей горбы
напоминают щедрые горы;
курится дым из фабричной трубы;
дикие кони бегут сквозь просторы:

мир тебе, сильный свободный косяк!
Степь отвечает геологам щедро,
как раскрывается огненный мак —
вдруг открывают богатые недра...

Под облаками, быстры и легки,
птицы в лучах серебристые мчатся!
А тарбаганы стоят, как пеньки,
глазки таращат и чуду дивятся.

Счастлив, Монголия, стол твой и хлеб,
белый курут и вода из колодца!
Древний вонтель, украсив твой герб,
встал в ореоле рассветного солнца,
горы твои нерушимо стоят,
громко и вечно, как бронза литая,
в свете рассветном названья звенят
Гоби, Хантая, Хангая, Алтая!



АЛТАЙСКИЕ ХУДОЖНИКИ

(Г. Чорос-Гуркин и Н. Чевалков)

«...я хочу быть величественным и молчаливым, как улалнские тополя ночью...»

(Из писем Н. Чевалкова)

I

«...Величественным быть и молчаливым...
Ночные тополя — горды, просты...
Не надо славы. Будешь не ленивым —
все о тебе поведают холсты.
На выставке,
ввысь кочетом взлетая,
как измывался местный демагог: —
— Да что в мазне от Горного Алтая?!
Французы. Модернизм. Гоген! Ван Гог!
Я — модернист? Да сплюнуть бы от сглаза!
Найдут же кличку, умники, кроты!
Все — к Гуркину. Мне снова нет заказа.
Ни красок, ни еды — дела просты.
Живем как можем. Ладно, хоть Наташа
меня не осуждает как жена.
Есть алтайчонок, сын, надежда наша,
а в общем, жизнь, как водится, странна.
Приходит Гуркин горд и не улыбочив,
твердя: «Жена плохая — сущий ад, —
а после добавляет, поразмыслив: —
Жена не стерва — это райский сад.
Хорошая жена, заметь... Да что там —
захочешь — пой, захочешь — вверх взлетай!

Ведь настоящий ключ к твоим работам—
не Арль с Тапти — голубой Алтай!
Алтай Монблана, кажется, не ниже,
так от добра нам не искать добра.
Размыслим-ка о выставке в Париже.
По-моему, пришла твоя пора...»

2

И каждый был по-своему велик:
Учитель и способный Ученик...
Один был оклеветан без вины,
впоследствии вернули честь и имя.
Другой в чахотке сгинул: средь страны
не прогремел картинами своими.
...Но холст один забыть я не могу,
все думая о критиках угрюмых:
...алтайцы на озерном берегу
стоят в глубоких непостижных думах...
О чем мы, братья, думали дотоль?
Где воздаянье мастерам?!...Веками
пребудет на картине Алтын-Кель,
народ, что зачарован облаками...
Холсты,
где свет любви и волшебства,
вас отчего-то нет
в музеях крупных...
Наивные прозренья мастерства
вдруг поднялись
до истин неподкупных!
А в купях Улалы гудят ветра,
не вечно эти купы молчаливы...
Забытые Алтаем мастера,
куда же
с нашей родины ушли вы?!

МАХМУД ЭСАМБАЕВ В ТАНЦЕ
«ЗОЛОТОЙ БОГ»

Взлетевшие волны, замрите...
Взъяренные ветры, замрите,
огромные горы, глядите,
укромные звезды, внимлите:
все созданное оживляя,
все сущее обожествляя,
восходит из глуби Вселенной
Бог Солнца,
отец наш нетленный...
Бог Золотой,
воплощение сущности света,
пальцы-лучи
касаются сути предмета,
вновь оживает предмет,
сотворенный при этом,
переполняясь лучистым
мерцающим светом...
Всякая жизнь —
это гимн Божеству Золотому,
гимн поклонения
существованью святому:
солнце восходит с улыбкой —
ликует держава.
Богу подвластная —
солнцу осанна и слава!
Бог Золотой,
восторгом увенчан предвечным,
вновь исчезает,

ГОРНАЯ ФЕЯ ЧЕЙНЕ

Протяжное имя Чейне-чаровницы
почудилось мне в кедраче
или клич журавлихи — таинственной птицы —
растаял в вечернем луче?

А может,
над желтой осеннею нивой
белея,
неслышно паря,
созвучье счастливое
лушь молчаливый
шепнул в тишине сентября?

Чейне,
на щеках твоих вспыхнул румянец,
куда же ты скрылась,
Чейне?!

Лесного пиона внезапный багрянец
зачем ты оставила мне?

Мелькнула,
исчезла...
Видением стала.

Зову бесконечно:
Чейне!

Певучее эхо летит с перевала
и дразнит меня в тишине.



ОМАР ХАЙЯМ

Ночь весенней луны
купалась во влажных цветах.
На узорчатом войлоке
рядом с листками бумаги
пел Хайям,
веки длинные тесно сомкнув.
Соловей пел в кустах,
забываясь в любовной отваге.

Возвышался,
мерцая
блистающий бронзой, квадрант
за спиною поэта,
силуэтом впечатан
в зелень рассветного неба.

Позабыв о счислении звезд,
пел Хайям
над лепешками хлеба,
над запотевшим кувшином,
свободе нечаянной рад.

Пел Хайям,
забывая эпохи тюрьму:
век десятый,
закон Мухамеда был
догмой железной.

Обсерватории
века тридцатого

грезилась в пенье ему.
Грезился космос Хайяму,
пронизанный музыкой сфер,
лучистой бездной...

Пел Хайям —
превращались напева слова
в лепестки.
Пел Хайям и следил сквозь ресницы
лепестков переливы...

И летели они
на украшенные
драгоценнейшей вязью листки,
и в полете сливались
с лепестками
облетающей утренней сливы...



ВОРОБЫШКУ

За окном, на балконе,
сидит воробей.
Взглядом солнца согретый,
сидит воробей.

Чистит перья свои, прихорашивается,
радуется,
пробует крылья.
Видно, сильно промок
на вчерашнем
большом дожде!

Ах, ты маленький, серенький
дурачок,
ты всего-то-навсего
с кулачок.

А ведь тоже имеешь
свои представления о счастье,
любишь — солнце и свет
и не любишь ненастье.

Ты великую мудрость
усвоил неплохо:
хорошо — когда хорошо,
плохо, ежели плохо!

Ну, а я-то,
плечистый такой и большой,

с ненасытной моей
человечной душой,
изменять научившийся
облик земли,
посылающий в космос
свои корабли, —
как себя утолю я,
горящего, будто в огне?
Так ведь много
нужно для счастья мне,
о, как много
нужно для счастья мне.



В ЖАРКОМ ПЛАМЕНИ...

Непонятное сердце мне в мире дано:
не стареет с годами — юнеет оно,

этот мир для меня — все волшебней, мой друг,
и загадок манящих — все больше вокруг!

Не увяну с годами в унылой тиши —
захлебнусь, переполнясь восторгом души,

не в бессильной печали однажды умру —
в жарком пламени страсти сгорю на ветру!



МОРСКОЙ ПРИЛИВ

Что там волны вдали качают,
солнца ярого луч кипящий
или белых, как вспышек, чаек? —

Сядем в лодку, моя подруга,
в богатырской своей
колыбели
ветер с морем нам песни сыграют
на веселой
свирели.

Потерял я недавно друга
и хочу излечиться
от боли:
расцвести,
будто рожь в поле,
в память дружбы заколоситься.

Ты гребешь и смеешься
от счастья,
и ничто тебя не огорчает.
Птицы блещут,
как перед ненастьем...
Вспышки песен, как вспышки чаек.

Захочу и пленю этих чаек
и рассыплю, как песни,
над морем.

Посмеюсь над судьбой
и над горем,
посмеюсь над отчаяньем.
Захочу — эти милые губы
целовать стану нежно и страстно.
Запою свою новую песню,
песня будет прекрасна.

Как Меджнун от любви умираю,
сеть полна моя гимнами жизни,
словно рыбу я их выбираю,
чуть дотронусь —
и солнцем брызнут.

Я счастливый такой и богатый —
и стихами наполнен
до края,
ты — мое вдохновенье,
родная,
вдохновенье — прилив
благодатный.

Пусть он, смелый, могучий, бросает
нашу лодку на гребень крылатый,
я счастливый такой и богатый,
правь, не бойся,
моя дорогая!



ЧТОБЫ ДЕВУШЕК ВОСПЕТЬ

Щеки девушек, как розы!
Полыхают на морозе!
Полыхают на снегу!
Где теперь найти мне вазы,
чтобы сверкали, как алмазы!
Чтобы в них пылали розы
на морозе, на бегу.
Где найти их? Не могу!
А вокруг снежок искрится,
и цветут девичьи лица,
словно розы в рождество.
Где перо взять золотое,
чтобы выразить такое
золотое волшебство?
Где такой найдется гений?
Может, Пушкин, может, Гейне?
Эти девичьи лица
будут им веками сниться,
чтоб бессмертно на страницах
словно розы полыхать.



ВЕСНА

Когда я выхожу в простор земной,
в оттаявшей земле бунтуют соки
и силой, молодою и хмельной,
сквозь плоть мою проходят их потоки.

И копыта трав, сверкнув из-под земли,
прорвав и пронизав сырую почву,
в стремленье к небу сквозь меня прошли
и в плоть мою вросли легко и прочно.

Когда я выхожу в земной простор,
листва из почек ломится наружу
дерев кряжистых, переживших стужу,
я каждым нервом чувствую их душу —
зеленый полыхающий костер.

Я по земле иду — земли частица,
раскручивая солнца синий диск.
И кажется, в душе моей пробиться
готово что-то, как зеленый лист.
И я, как почку, душу раскрываю —
лети на свет, строка моя живая!



РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

Возвратившись
из далей пройденных,
я не спрашиваю вас: вы чьи?
Без напыщенных слов говорю:
здравствуй, родина, —
горы мои...
Скалы мои...
Ручьи...
Словно музыку в мире лучшую,
живший долго твоими тревогами,
блеянье овец я утрами слушаю,
ветку дерева каждого
руками трогаю.
От встречи с тобой
я стал ребенком,
припавшим к груди
матери старой.
Опять я резвый, как жеребенок,
смешной, как ягненок
в твоих отарах.
Заклучи мою душу
в объятия снова,
надели меня лаской своей и силою
и возьми меня до последнего слова.
Я навек твой, родина милая!



СВЕТ ЖЕНЩИНЫ

Высшее, что есть на белом свете, —
женщину восславить я хочу.
— Женщина! И тайна ты, и чудо, —
я в благоговении шепчу. —
Женщина! Ты преданность
и нежность,
гордость, милосердье, доброта.
Женщина! Ты вера и надежда,
ты любовь и звездная мечта!
Женщина! Ты — самоотречение
и самосожжение в любви.
Ты — восторг души, ты —
вдохновенье,
ты — огонь, пылающий в крови.
Оступлюсь — простишь
мою оплошность,
провинюсь нечаянно —
простишь,
нагрублю под настроенье —
стерпишь,
обману — и тут не отомстишь.
То — дитя природы — ты капризна,
то опять послушна и нежна,
то в заботах вся, а то беспечна,
то спокойна, то раскалена.
Ты желаешь быть, и ты бываешь
новою, другою каждый раз:
мудрой, зрелой, юной и наивной,
сильной и беспомощной подчас.

Что бы ни случилось, славить буду
женщин я и в свой последний час!
Пусть они, прекрасные,
ни в жизни
не разочаруются,
ни в нас!



ЖИЗНЬ И ГОРЫ

Георгию Ивановичу Куницыну

Прямым, в небеса устремленным,
прожить —
подобно кедру в горах.

Красиво и чисто,
и честно прожить —
подобно горным цветам.

Стремительно, весело,
яростно жить —
подобно горной реке.
И песню сложить,
и песне служить —
подобно горным ветрам.



ОСЕНЬ

Здесь у пустынных утесов клекочет орел,
осень прозрачна и светел небес ореол...
Тысячи гор сопрягаются,
тают вдали...
Сотни дымов
в вечном звоне восходят с земли...

Реки шумят ледяные...
Кроваво горят
листья деревьев — осени поздний наряд...

Вот я лежу,
свои руки крестом разбросав,
слушаю гулы земли и движение трав,
с почвой срастаюсь,
сливаюсь с осенней рекой,
близких созвездий, вселенной
касаюсь рукой...

В свежести рек,
в ощущении близкой зимы,
в час,
когда в горные выси восходят дымы,
чувствуя рядом
земли материнскую грудь,
древних сказаний
пытаюсь постигнуть я суть.

Слышу сквозь тысячелетия
скрежет мечей,
жалобы,
крики в сиянье кровавых лучей...
Прах тысяч жертв
здесь смешался с горячей золой;
горькая скорбь и доныне
слышна под землей...

Синь поднебесья...

Под звон отлетающих стай
слышу преданья предков,
о Матерь-Алтай!



СЛИТ С ТЕЛОМ АЛТАЯ

Своими венами
соединен я с реками Алтая.
Главная артерия — Катунь —
с грохотом катит
упругие волны
сквозь мое сердце.

Мой позвоночник срашен
с хребтами Алтая.
Родную природу
и весь мой народ
я ощущаю в себе.
Озерами Алтая
вглядываюсь по ночам в мирозданье,
и оно отражается в моих глазах.

С голубых ледников
я ловлю жадным слухом
трепетный шепот Вселенной.

Вместе с алтайцами,
что говорят на древнем языке,
обожествляют солнце, огонь и природу,
помяная ушедших, приветствуя проходящих.
я устремлен
в клубящуюся глубь времен,
сквозь которую, по вере отцов,
после всех испытаний и жертв
вижу царство Света.

Всеми жилами, плотью и костью,
всею кровью, что в венах гудит,
я с народом родным
и родною землей
неразрывно, таинственно слит.
Мы — единое тело
навечно.



ПРИКАТУНСКОЕ

Как сосны тихи по ночам
над притихшей Катунью.

Дай руку мне...
К сердцу прижми моему...
Что ты слышишь
в молчанье
июня?

Беззвездное небо,
луне не пробиться сквозь
тучи.
Качаются немо
уснувшие сосны
над кручей.

Лица моего
ты не видишь...
склонись же поближе...

Дай руку...
Ты слышишь,
как сердце стучит? —
Говори же!

Миг длится свиданье
иль век —
не пойму!

Пощади мою душу!
Так что ж ты молчишь?

Любовь и страданье —
два разных названия лишь
тишины этой душевной!..



СКАЗИТЕЛЬ, КОЗЫН-ЭРҚЕШ И МЫ

В Ябогане сегодня
я в юрте сижу у кайчи¹
вместе с другом,
Фикретом Годжою,
поэтом из Азербайджана.
Как далеко отсюда наш Литинститут...
да почти
на другом краю света!
Машины... метро...
даже странно
и представить их здесь...
Тонут горы в бескрайней ночи;
просверкавши над кручей,
последние гаснут лучи;
мы молчим
и внимаем топшуру²,
от песни пьянея гортанной.

* * *

Вновь над Азией древнею в небе, как бубен,
луна,
словно в бой призывая,
набатом
гудит и рокочет!

¹ К а й ч и — сказитель.

² Т о п ш у р — двухструнный щипковый инструмент.

Снова беркуты давних сражений, что вынесла
эта страна,

надо мною
сшибаются яро
и грозно клекочут!

Далеко-издалека
протяжное ржанье звучит:
это плачет в ущелье скакун, потерявший
батыра!

Звезды холодноглазые
мечут в землю, как копыя, лучи —
и стеклянно звеня
у лица моего,
превращаясь в цветы,
лепестки раскрывают они,
дна достигнув Подземного мира.

* * *

В жилах кровь моя,
словно бы красная глина,
от жара спеклась!
Вся душа напряглась тетивою,
стрелу посылая в погоню!
Закипает в груди
азиатская дикая страсть,
бьется сердце Козына-Эркеша во мне —
это он, а не я,
это он, а не я здесь сегодня! —
Клянусь вам,
поверьте!

Ибо смерти не знают герои!
Удел их — бессмертье!

Эй, вы, злобные ханы-цари,
эй, вы, гнусные лисы-вельможи!

Выходите на бой!
Я за всех,
кто по милости вашей
скитается по миру сир,
самой полною мерой
отмерить отмщенье вам должен!..
Это я говорю вам,
я — Козын-Эркеш,
сын раба,
батыр!

Многоугольные шатры богачей
я опрокидываю
одним ударом,
срезанные кинжалами глаз моих,
корчатся ханы,
злобу тая!
Заглатывая с кровью ярость свою,
улыбаются они мне,
табуны коней и сундуки сокровищ предлагая
даром,
но ядовитые мысли их,
дымным клубясь пожаром,
не дают им дышать,
застылают взгляды,
как черная кисея.

А я
в Подземного мира спускаюсь бездну,
владыку демонов — Эрлика! —
упреками пытаю,
не страшась на все живое наводящего ужас
звериного его лица.

А я
золотым соколом
взлетаю в простор надзвездный —

вы думали —
нету уже батыра,
навски вы избавились
от сына раба!
Но напрасны оказались ваши надежды
на то,
что истлеют кости мои
в земной глубине!
Нет!
Я снова живой!
Я еще сильнее, чем прежде!
Я вас вызываю на бой! —
Что ж вы трясетесь? —
Подходите,
подходите ко мне!

* * *

Попирая владык,
я владыкой не стал.
Как и раньше сума
у батыра пуста.
Я свободу дарил
не затем, чтоб отнять.
Мне велела душа
бедный люд защищать!
Долгий путь мой ведет сквозь пространства
меня и века,
я во всех поколениях жив!
Не ослабла рука
у меня!
Нету ржи на булатном клинке на моем! —
Сын раба-пастуха —
я в дозоре всегда боевом!
Пусть меня проклиняют, бледнея, цари
и князья,

но в народных сказаньях восславлена
доблесть моя!
И, покуда на землю не рухнет небесная
твердь,
все над Азней будет
побед моих эхо
греметь!

* * *

Стихнул бубен луны,
смолк топшур под рукой у кайчи.
Битвы беркуты канули
в утренних клочьях тумана.
Водопадом с востока
пролились на землю лучи.
Новый день уж шумит.
Только все потрясенно молчим
мы с Фикретом Годжою,
поэтом из Азербайджана.
Выбегаю из юрты,
волненья не в силах унять!
Кровь Козына-Эркеша во мне,
в моем друге, —
мы все в мире братья!
Предо мною вся жизнь!
Мне покуда всего двадцать пять!
Слышишь, солнце, —
так что ж! —
открывай мне скорее
объятья!..



НА ДРЕВЕ ПОКОЛЕНИЙ ЛИСТОК

Я — это я!
Но я — не только я!
Все поколенья — древо!
И на этом
на древе — я листок!
Душа моя
в строках, что — словно угли — скрыты
пеплом.

К ним подойдите.
Сдуйте пепел с них.
И загудит разбуженное пламя,
взметнется ввысь — и из него на миг
мое лицо возникнет перед вами.
Весельем опьяненное лицо,
бесстрашный мой,
мой азиатский облик!
Огонь ревет, свивается в кольцо!
О речь моя!
Речь дедов и отцов! —
Да разве в вас она не сыщет отклик?
Эй, люди!
Перед вами я стою.
На вас моя надежда!
Так я создан.
Алтая сын — о мире я пою.
Пожмите ж руку смуглую мою —
в ней ваша кровь пульсирует,
как звезды!..

В ПРОСТОРАХ ГОР

Эти горы, вздыбленные в небо,
эти дали, что о них разбились,
ветры, что вползают к перевалам,
выгибаясь и теряя силы;

эти, в глубину времен бездонных
из глубин грядущего бездонной,
водопады, рвущиеся яро! —
С первых дней творенья и навеки
мне принадлежат!
Они мои!

Тыши лет назад на месте этом
тюркский богатырь Козын-Эркеш
вещего коня по гриве гладил
и смотрел на землю-мать с восторгом.
чистых слез любви не утирая.

А теперь за шею обнимаю
я коня на вздыбленной вершине —
родом тюрк, из племени алтайцев —
и не в силах слезы скрыть восторга
пред красой Алтая,
чудом жизни!

Верю,
знаю:
пусть пройдут столетья,
но опять на эту же поляну

дальний мой поднимется потомок,
возвратившись
из межзвездных странствий.

И, обнявши скакуна за шею,
будет вдаль глядеть, не пряча слезы
от восторга перед красотой Алтая,
от восторга перед чудом жизни!..



СЫНУ

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай
в небо горами ушедший священный Алтай!
Встань средь вершин его новой вершиной
крутой.

снежную шапкой сверкая в горящих лучах;
стань в его реках еще одной новой волной,
новым побегом взойди в его вечных лесах!

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай! —
Смело входи в этот мир,
он давно тебя ждет!
Радуйтесь, горы!
Ты, солнце, ликуя, сияй! —
На человека стал больше алтайский народ!
Должен взять в сердце свое ты его

доброту,
должен в себе ты отныне до смерти беречь
доблесть народа,
его языка чистоту,
предков сокровище —
древнюю тюркскую речь!

Вот твоя Родина!
Вот Святогорье легенд!
Белые ветры звенят по отрогам хребтов!
Видишь, маралы, трубя о величье побед,
Скачут по скалам, вздымая деревья рогов!
Видишь, как мирно по солнечным склонам
крутым

льются стада из долины, как вода через
край;
видишь, как мирно из труб поднимается
дым,
как вызревают хлеба,
растлываясь ковром золотым...

Сын, эту землю тебе я дарю, принимай
в небо горами ушедший священный Алтай, —
пусть же оно
никогда не затмится над ним!..



ЧОЛУШМАНИЯ

Каран, приятель стародавний,
как здорово, что ты меня
на волю вытащил из дома
и в Чолушманию привез —
таинственную горную страну.

Тут, в Балыкче,
Крыму алтайском,
картошка, весом в два кило,
молочных поросят напоминает,
тут проживает тетушка моя —
Туянина Мария —
прекрасный,
ясный человек.

А яблоки в ее саду,
как шарики на новогодней елке —
дотронься, лопнут,
соком изойдут.
Сад — пиршество для глаз —
поешь от радости, от счастья.
Сад — пиршество для уст —
так сладостны его плоды.

* * *

Здесь облик у всех
благороден на диво,
духовности светом
все люди полны.

Потомки они
 знаменитых теле¹ —
язык и характер
 у них переняли.

Их говор певучий
 и мягок, и ладен.
И слово в устах
 первозданно звучит —
как было на камне
 начертано древнем.

Куда знатоки
 языка подевались?

Должны мы язык
 изучать и хранить.

Алтай нанитался
 историей древней,
времен незапамятных
 сизою мглой —
и тайны курганов —
 могильные тайны,
и облик людей,
 и характеры их,
и слово богатырских времен Пазырыка.

На сказку похожий,
 нам дед Сугунушев
шкатулку открыл —
 в ней преданий не счесть,
и сказок волшебных,
 легенд стародавних —
да мало ли что
 в той шкатулочке есть.

¹ Теле — древний народ тюркского происхождения. От них на Алтае пошел род телес и род теленгит.

Язык теленгитский
нам сказку поведал
о доле сиротской,
скитаниях долгих
мальчишки, который
нашел среди долины
чудесную юрту:
из дерева ловко
тот домик сработан...
В межгорье Кек-Баше,
в укромной долине
изящны, красивы
стоят эти юрты,
их десять по счету.
Нигде на Алтае
подобных не встретить —
работа искусных
народных умельцев.

* * *

Низвергнувшись с кручи в долину,
Башкаус течет с Чолушманом,
сливаясь в потоке едином,
окутанный дымкой туманной.
А место слияния речек
самыком зовут здесь,
в двуречье.

На той стороне Чолушмана
в тумане скала серебрится,
живучи о ней небылицы —
и сладость, и горечь обмана.

Считают, раз камень сорвался —
быть горю — такая примета,

которая значит, что где-то
в тот миг кто-то с жизнью расстался.

Земля наша тайны глубокой
от века полна и доньше,
ее стерегут гор твердыни,
храня эти тайны до срока.

Обилье растений пахучих
и трав, и камней разноцветных —
что этого края есть лучше,
красивей, привольней, приметней?

* * *

Каран, приятель стародавний,
ты, верно, помнишь, как спешили
с тобою мы в столь милый сердцу
Кек-Баш на грузовой машине?

О, золотые сны былого!
Я никогда не пробуждаюсь,
во мне живете постоянно,
чудесной осени картины:
деревьев добрый сонный говор,
волны зеленой воркованье
и тишины звенящей сладость.
Беседы тихие за чаем
меж девушками в длинных платьях,
чуть старомодных, живописных...

И эта красота девичья,
и небо сине-голубое,
и солнце, что легло на скалы,
как будто очень утомилось.
Все-все во мне рождало песню...

* * *

Небо осеннее, красок разлив,
Чолушман старый, как прежде, красив...
Девушка стройная с чашей в руке.
Скалы отвесные чуть вдалеке.
Средь очарованных сказкою гор
желто-багряный расстелен ковер,
а на него отдохнуть прилегли
девы-волшебницы — духи земли...
К нам долетает из глуби времен
сказка о жизни, о битвах племен.
Этой земли молчаливый гранит
много былии и сказаний хранит.

В недрах курганов алтайской земли
воины спят, что здесь битвы вели.
Рядом покоится тот исполин,
что к нам приходит из давних былин.

Свято хранимый, родной Чолушман,
ты нам в наследье великое дан.



Это в них оживали души
легендарных богатырей!
Ну, а что же могло присниться

вам, руки отца?

Только одно: работа, работа,
работа без края и без конца...

Снится вам, как с утра вы коня запрягали,
как вы снег, белый снег у стогов разгребали,
как вы сено овцам потом раздавали,
как, замерзнув, потом над костром колдовали,
как нехитрый обед на стоянке варили,
как потом вы коня из ведерка поили —
ничего-то вы, руки отца, не забыли!..

Вспоминаю жизнь отца моего:
детство его, сиротство его.

Помогая братьям, родитель мой
петли на зайцев ставил зимой,
а летом, бывало, мой дед Самык,
с преогромной пилой, хоть сам невелик,
во главе своих сыновей-сирот,
что остались без матери в трудный год,
шел, кряхтя, наниматься на пилку дров...

Обходили немало они дворов,
приходили и в тот, на краю села,
где — подросток — мама моя жила.

Мама жила, доли ждала,
о судьбе гадала при белой луне...

Это мама потом рассказала мне.

Но не только пилою и топором
и другим крестьянским инвентарем —
мой отец не худо владел пером,
в сельсовете работал секретарем!

До сих пор бытует в селе рассказ
про один сочиненный отцом приказ.

Вышло так, что парни раз подрались
из-за девушки. Звали ее Кымыс.

И тогда отец, объявив сгоряча
им — от имени граждан села — «строгача»,
предписал им просто, как «дважды два»,
для общественной пользы пилить дрова,
и дровами — хотят они или нет —
обеспечить школу и сельсовет.

Две недели, смеясь, меж своих забот,
приходил драчунов посмотреть народ,
проследить, чтоб выполнили урок,
присмотреть, чтоб никто лениться не мог...

Эти парни были: мой дядя Токшин,
Кажыкчи Телес и Чинат Эркин.

Случай тот им запомнился до седни,
но не обиделся на отца ни один.

Потому что не только была крепка —
справедлива была отцова рука,
хоть, возможно, он в чем-то «превысил

права»...

Вам бы силу такую, мои слова!

А еще,

кроме всякой крестьянской работы
и писанья приказов,

помню отлично я:

были словно бы созданы

руки отца

для охоты,

для красивой, точной и тонкой машины —

ружья!

Двух козлов подряд на одном месте,

четырех подряд на одном месте,

разом двух — на бегу,

общей пулей,

в одно мгновение,

вместе —

вот как мог мой отец!

Я вообще — не смогу...

(Примечание следует от поэта:
никогда не стрелял он ради игры,
и притом браконьерством
не называлось это —
больше было в горах
зверья в те поры...)

Помнят все, кто отца в те годы знал:
на охоте
всегда он удачлив бывал,
гость врасплох никогда его не заставлял —
бабкин черный казан остынуть не успевал...

Дни войны.

Заграница.

Отец мой — у пулемета.

Прикипели к металлу руки отца.
Падает, падает вражеская пехота
и остается лежать,
не поднимая лица.

Было и так:

с пулеметом из окружения
сам пробился отец
и десяток товарищей спас,
вывел

в наше расположение —
и к награде представлен был в тот час.
А наутро — приказ выступать.

И где-то
от него награда отстала в пути...
До сих пор она, наверное, по свету
ищет отца — и не может найти.
Вот мы День Победы встречаем...
Но недостаток не сразу придет в колхоз.
Непросохший курут

отец ломает за чаем:
«Лишь бы сын здоровым и сытым рос!..»

Он склонился ко мне — и снова, и снова
гладит по волосам, по щеке...

Ощущаю: пальца большого,

«пальца-мастера»,

недостает на руке!

День прошел — а отцу на луга спешить,

до рассвета он сено будет косить,

и приляжет поспать на опушке лесной

на часок под накошенной им копной,

и заглянет в дом — проведать семью,

и уйдет на работу — в отару свою,

потому что — надо: мама больна,

мы — растем, и всем одежонка нужна,

и совсем недавно была война,

и не только для нас

еще жизнь трудна...

А теперь — обрела достаток семья,

поднялись, встали на ноги сыновья,

и любой подставит свое плечо,

только самый младший — в школе еще.

Изменилась жизнь, лишь слово одно,

слово «надо» — как прежде, звучит оно,

и отец сам себе говорит: «Пора!» —

и уходит в отару к шести утра.

Возвращается за полночь.

В тишине

спит —

и руки

вздрагивают во сне...

Спит отец мой. Что снится отцу?

Как в горах, не жалея сил,

у верховий речки Ак-су

лес валил и в сани грузил?

Или снится ему, как в глуши лесной,

там, где встали кедры суровые,

из-под снега вытяявшие весной

собирает он

шишки кедровые?

Этот весенний сбор

люди наших долин

называют падалицей — «тушкин».

Или снится, как он, наклонясь с коня,

рвет с куста огонек малины —

и, попробовав, вспоминает меня

и братишку — меньшого сына:

«Эх, еще не дошла малина, видать!

Эх, придется сынам еще подождать!»

Спит отец мой. И видно мне:

руки вздрагивают во сне...

Эти руки, мирно спящие,

эти руки работающие

на земле — чего ни делали!

Только зла — вовек не делали.

В слепоте, в хмельном угаре ли,

человека — не ударили.

И чужого — не присвоили.

Не ломали — только строили!

Прославляю вас, добрые руки отца,

прославляю вас, честные руки отца,

прославляю вас, чистые руки отца,

славить вас я готов без конца!

Вы — как две плодородные пашни,

ладони отца,

вы — и крепость, и кров наш всегдашний,

ладони отца,

вы надежно прикрыли очаг наш домашний,

ладони отца!

Отдыхайте, усталые, вволю,

о руки отца,

завтра вновь на работу, в кошару и в поле,

о руки отца...

Это слово — во славу
не отца одного,
утверждаю: не дело —
славу петь одному.
Это слово — во славу
поколенья его.
Этой славы по праву
часть — наградой ему!
Это слово — во славу
всем трудягам честным,
вам, работникам честным,
вам, опора страны,
вам — простым и надежным,
вам — таким непростым,
вам — пришедшим с войны,
не пришедшим с войны,
всем, кто пашет и сеет
и отары пасет,
варит сталь на заводах,
создает города,
с кем достигнем любых
заповедных высот,
не сдадим, не отступим
нигде, никогда!

1970 г.



«Я ЗДЕСЬ ВОЗНИК — В ГЛУБИНАХ ГОР...»

Поэзия Горного Алтая — явление самобытное и разнообразное, не укладывающееся ни в какие заранее предопределенные рамки. Об этом свидетельствует творчество поэта Паслея Самыка, его гармоничная и в то же время полная диссонансов поэзия, представленная читателю в десяти книгах на алтайском языке и в двух сборниках, увидевших свет на русском языке.

И вот в руках читателя тринадцатая по счету, в известной степени, итоговая книга.

Называется она «Поклонение Белухе».

Паслей Самык — поэт свободной манеры. Его стихи — это композиции со своими лирическими отступлениями. Это взволнованная, наполненная образами ораторская речь, рассчитанная скорее на произношение, чем на чтение.

Вслушаемся в нее. Речь степенна, мудра и басовита.

Я здесь возник — в глубинах гор,
и грохот падающих рек
теперь в крови моей навек.

Да, я возник в глубинах гор,
под самым небом вечно жил.
С меня стекает до сих пор
прозрачный свет ночных светил.

Да, я возник в глубинах гор,
и грозный отблеск ледников
упал на дно моих зрачков.

Да, я возник в глубинах гор...

Генезис его поэзии следует определять через фольклор и мировую культуру — творчество таких поэтов, как Блок (помню, как он был одержим им в школе),

Маяковский, Хикмет (Паслей у него учился), Межелайтис, Сулейменов, Вознесенский...

Как это складывается в его творческом самодвижении?

Часто он использует национальные (фольклорные) образы и мотивы. Особенно продуктивно, на мой взгляд, из героического эпоса. Многие в его поэзии от эпоса, но даже и фольклорные образы — продукт интеллектуального труда и вполне культурных традиций, ассоциаций.

Стою —
Козен-Эркеш — алып,
дытя алтайских гор —
плечо мощнее черных глыб,
подобен звездам взор.
Непрерываема, вольна,
светла душа моя.
Ненсеякаσμα, ениьна
живая кровь моя.
Где притеснитель бедноты,
где покоритель стран,
где схоронился злобный ты,
згеройдобный хан!
Удвоит волю честь моя,
хоть жги меня, хоть режь,
устроит силу месть моя!
Стою —
Козен-Эркеш.

(Перевод А. Плитченко)

А вот названия его некоторых стихотворений, взятые наугад. «Матадор», «Огненный марал», «Всадники», «Диоген», «Моя политика»... И так далее. Новое стихотворение — новая грань творчества, помогающая постепенно постигнуть непростой секрет обаяния его поэзии. Оно не в метафорическом ряде, а в экспрессии, поэтичности самой мысли. Поэт не увлекается картинками и образами, он нагнетает их потоком своих эмоций, правдивым чувством, лежащим в основе каждого стихотворения.

Один надет за сто друзей.
Другой надет за сто рублей.

Тот, словно песня для людей,
и счастлив радостью друзей.
А тот — слепой природы злей
и зверя дикого лютей,
удача друга — злит его,
а горе — веселит его.

Мы в космосе одной ногой,
в животной косности — другой.
Один умрет за сто друзей,
другой убьет за сто рублей!

(Перевод А. Плитченко)

Вся поэзия Самыка — одно непрерывное стихотворение, в котором раскованно звучит душа поэта и ее основной пафос — изначальная музыка алтайской речи, ее пленительная пентатоника.

Голубые-голубые реки
вдаль бегут со звоном голубым.
Голубые голоса кукушек
впитывает влажная земля.
Голубое шелковое небо
птицы-челноки, летая, ткут.
И озера тоже голубые,
голубя, в мои глаза текут.

Книга, которую вы держите в руках, не поддается тематическому определению. В центре ее образ молодого алтайского интеллигента с его обостренной чувствительностью к миру и неожиданными, порой экстравагантными ассоциациями. Однако восприятие мира не мозаичное — целостное. И анализ его поэзии тоже должен быть по возможности целостным. Что до диссонансов, то как им не быть в поэзии, коли ими полон мир. Они складываются в ритмическую музыку мироздания, родственному космическому мироощущению, и тогда особенно хорошо заметно, что его поэзия — это контрапункт тем, слившихся в едином гуманистическом восприятии мира и своей малой родины — Горного Алтая.

Его поэзия — это сплошная, пылающая суть, любовь ко всему человеческому и прекрасному. «Эти небо, тайгу, это солнце люблю! Эту землю, Алтай, прославляю, люблю!» В его сердце вмещается многое. И Гор-

ный Алтай с его чистыми селениями, которые «словно гнезда ласточек» прилепились к горам; музыка Микиса Теодоракиса, которую в свое время не только пели, но и молчали — так она была нужна людям; «ветер вольной с душой поэта»; «алтайский батыр, идущий на бой за свободу и правду»; «никогда и никогда на свете непобежденный матадор»; молодой непокой, неуемный полет — все это и многое другое волнует сына гор.

Поэт живет жизнью своей эпохи, его стихи откликаются на многое. События современности — вот часть его духовного быта, его этических забот, его поэтической фантазии, опирающейся на суровые реалии жизни.

Поэт посмотрел на небо и увидел «море крови», посмотрел на ручьи — увидел «струи крови», он увидел Вьетнам как кровавую рану, человечеству грудь раскесшую. Возникает далеко идущий вывод:

Антимир вы ищите, физики?
Бросьте, физики:
только одна
в мире есть антитеза миру:
антимир — это есть
война!

Лишь когда человек человек,
человек — Человек!
Человек главенствует в мире,
в антимире —
античеловек.
Называемый «сверхчеловеком»,
он на деле —
недочеловек!

(Перевод И. Фонякова)

Читая эту книгу, с радостью констатируешь, что, не повторяя себя в поэтических находках, в душевной и личностной основе, Самык остается прежним. Его новым стихам свойственна все та же искренность и страстность, юношеский максимализм. По-прежнему поэт хотел бы иметь самых верных и умных друзей, он ищет самую нежную и чистую любовь. В каждой девушке встречной он хотел бы видеть «образ Джоконды вечной, музыку, что не звучала нигде, и неумирающую тайну в каждой звезде». Все как прежде, но движение есть. Годы не прошли даром. Чувствуется гражданское возмужание Самыка, которое наращивает любовь к че-

ловеку. Его человеческая суть расцветает от понимания революции, от общения с людьми, в процессе борьбы с мещанством — злейшим врагом поэта и всего передового.

Самое трудное в таком случае — цитировать, но строчки, задающие тон этой книге, да и всему творческому пути. Стихотворение так и называется — «Люблю людей»:

Люблю людей...
Чем старше становлюсь,
тем больше
этой нежности дивлюсь.
Я на чужбине и в родном краю
в прохожем каждом
друга узнаю...

Достатка мне
не принесло перо!
Да были б совесть,
нежность и добро!
Да был бы человек,
мой друг и брат,
перед которым
прав и виноват...

(Перевод Р. Бухараева)

Паслей Самык — поэт редкой раскованности и свободной манеры. Как мы уже заметили, его произведения — это композиции, рассчитанные на произношение, а не на простое чтение. Стихи его мускулисты и графичны. Это не кокышевская акварель. Иногда графичность настолько резкая, что возникает опасение, что поэт вот-вот утратит чувство меры и впадет в голую риторику и нехудожественную публицистику. Бывает и так. Но чаще всего от риторики поэта спасает все та же искренность, ставшая метрономом его поэтического слова.

С годами все шире и шире раздвигался оком поэта. Было заметно, что его манит не только Белуха, не только вершины гор, но и вершины человеческой мысли. «Всемирная отзывчивость» — это с полным правом относимо к поэзии Самыка, интернациональная направленность которой очевидна. Его перу принадлежит отличное стихотворение «Маяковскому», ставшее достой-

ным вкладом алтайской словесности в венок революционного поэта-главаря. В стихе чувствуется разряженный воздух абстракций, но его огромное пространство пронизано живой мыслью современности и чувствами сегодняшнего человека, живущего в эпоху НТР и озабоченного проблемами человечности.

Но тот,
кто долго простоял
у атомного реактора,
тот облучен
и неминуемо должен уйти.
И я знаю,
когда ты медленно поднимал
стотонное дуло
к своему виску,
вдруг перед твоими глазами
поплыли оранжевые планеты,
облетаемые караванами
крылатых, как рыбы ракет.
И нет тебя,
но каждый раз,
когда я подхожу к тому,
что сделано тобою,
мне все чаще вспоминаются
таинственные сооружения на Земле,
авторство которых
люди не в силах себе приписать...

(Перевод автора)

Глубоко постигнута поэзия кумира номер один. Самык понял, что характером мировосприятия, грандиозностью своего поэтического мира Маяковский предвосхитил тот дерзкий вызов природе, который сделала наука, отправив человека в космос. В критике эта мысль отмечалась не раз, а вот в поэзии Самык это сделал впервые и сделал хорошо. Именно в этой образной структуре стиха находит наиболее полное выражение поэтическая концепция Самыка, перерастающая в довольно стройную поэтическую систему. Система эта стремится к общности, она игнорирует единичность. И это оправданно, ибо позволяет, во-первых, передавать «диалектику мира», во-вторых, сосредоточиться на

главном конфликте своего творчества — на борьбе духовного с бездуховным в человеке.

Показательна в этом отношении его ироничная шутка «Что было бы, если бы Демон женился на Тамаре» в переводе Ильи Фоякова.

Вчитайтесь, не пожалевте.

В непосредственной связи с образной находится и ритмическая структура стиха Самыка. Всмотревшись в ритмические рисунки его стихов, вслушиваясь в них, мы увидим и услышим, как варьируется ямб, превращаясь в другие метры, как в сочетании самыковских строк возникают разнообразные ритмические и интонационные переходы. Такая структура стиха позволяет ему синтезировать разнообразные явления мира в единую поэтическую систему.

Стих Самыка следует рассматривать в контексте его поэтической личности, для которой так характерен интернационализм, вырастающий на богатейшем национальном материале, на доскональном знании многовековой истории своего народа.

Именно это обстоятельство имел в виду профессор Г. И. Куницын, когда в 1974-м году подарил Паслею свою книгу «В. И. Ленин о партийности и свободе печати» с надписью: «Паслею Самыку, замечательному поэту, истинному выразителю духа Востока-Запада на уровне искреннего марксизма, земляку по Сибири и по планете, отличному человеку, питающему лучшие надежды»...

Георгий Иванович хорошо почувствовал суть Самыка — поэта и человека. Его восхитила многоплановость его простых образов, их философский подтекст, всегда наполненный гуманизмом. Георгий Иванович понял, что Самыку удастся лучше обобщать не частные случаи, а жизненные явления. Отсюда его такая теплая надпись — несомненное признание интернационального пафоса всей литературы Горного Алтая.

Говоря об интернационализме поэта, нельзя не вспомнить и о его поэтической перекличке с поэтом Леонидом Мартыновым.

— Опиши
пером или карандашом
Алтай своих целебных трав,
Алтай своих волшебных руд...
Алтай своих святых основ,
Алтай своих горячих снов, —

с такими словами обратился к молодому поэту один из старейшин советской поэзии в стихотворении «Ко мне алтаец подошел». Впечатление такое, что всем своим творчеством Самык отвечал на пожелание любимого поэта, оказавшего большое влияние на его творчество.

Но вернемся к Мартынову. Вот как воспринял его слова Самык в стихотворении «Разговор с поэтом Леонидом Мартыновым»:

О! Сейчас говорю и вижу перед собой,
как сияют с утра и до вечера,
отражая шелк небес голубой,
млечные

вечные

глетчеры!

Склоны гор, поднимающихся к облакам,
там цветами покрыты солнцеподобными,
косулята к воде склоняются там
с глазами, как у алтайцев, добрыми.

Они пасутся на склонах гор,

и я не видел нежнее красоты:

у любого спина —

как звездный ковер,

и ноздри влажные от росы...

(Перевод И. Фонякова)

Как видим, поэт не живописует словом, он действует словами, как матадор шпагой... Но рождается гимн существу, гимн Горному Алтаю. А если говорить о музыкальной организации стиха Самыка, то нельзя не заметить, что структура их фугообразна.

Мой Алтай,

высота голубая твоя,

мой Алтай,

чистота голубая твоя,

мой Алтай,

доброта голубая твоя.

И душа моя будет покуда жива,

будет жить в ней, светла, молода

синева,

синева,

синева,

навсегда,

навсегда,

навсегда.

Так и должно быть в поэзии: каждый стих — исповедь, а исповедь всегда неповторима, как эта голу-бая fuga.

Неотделима от него и МАСШТАБНОСТЬ ЧУВСТВОВАНИЙ.

Откуда она?

От фольклора и поэтики XX века. Поэзия Самыка рождена на стыке культурологии и словесности. В этом ее глубинное своеобразие. Это отразилось и на его фамилии. «Самык» в переводе с алтайского означает двуречье, которое мы воспринимаем как двуречье двух культур — русской и алтайской.

В самом деле, не синтезом ли культур рождены эти стихи, посвященные Гарсна Лорке?

Вот рука моя левая.

Не плащ в ней трепещет алый —
сердце трепещет мое.

Вот рука моя правая, —

что не шпагу разящую сжала,
а мысли моей раскаленное острие.

Я — матадор. Не арены песок подо мной,
а зеленые травы земли родной.

Я — грядущего радостный сын.

Отчего же мысли моей не сверкать,
сердцу не ликовать?

Вчерашние правда и жизнь,
вам не век вековать,
вы сегодня становитесь ложью.

Ложь — чудовищный бык.

Я — матадор.

(Перевод А. Ревича)

Это ли не современное мышление — мышление в духе перестройки? Так и видится низко опущенная голова быка и его мощные подкосившиеся ноги, которые еще держат тушу вчерашней лжи, вчерашних рашидовых и адыловых... Но еще мгновение и зло обгабит своей черной кровью желтый песок арены.

Чтобы жить — надо уничтожить Зло. Такова главная истина самыковской поэзии. В ней красота борьбы со Злом, с безумием этого безумного мира. «Урум бука — мен матадор».

Когда я читаю поэзию Самыка, я думаю о необходимости нового художественного мышления. И размыш-

ляя над образами Самыка, я начинаю понимать, что новое мышление — это мышление социальное, историческое, планетарное. Оно не боится противоречий. Вместо менторского монолога оно предполагает принцип равноправного диалога.

В движении к диалогу я вижу перспективу развития этого талантливого поэта.

В последние годы поэзия Самыка становится строже, требовательнее к себе и людям. Она обретает большую простоту. Создает поэт и целый ряд поэм, таких, как «Звук огня», фантастическую «Космос и Земля-корабль»... Думается, что эпический раздел его творчества слабее лирики. Поэмы не столь органичны, их излишняя фрагментарность только обещает возможную целостность. Однако и поэмы Самыка показывают, что для его поэзии важен не сам факт в его документальной очерченности, а его историко-духовный смысл. Что и в поэмах Самык оценивает события и факты по своей неизменной шкале — шкале человеческих ценностей.

Несколько слов о переводах. Русскому читателю Самыка представляют И. Фояков, Ю. Гордиенко, Т. Глушкова, Г. Фролов, Р. Бухараев, Л. Осипова, А. Плитченко, Г. Панов, Г. Кондаков и др. Стихотворная техника переводчиков виртуозна, особенно у Фоякова, что нередко вступает в противоречие с занозистой неприглаженной поэтикой оригинала. Встречаются следы явной спешки, невыразительные стертые слова, которые в оригинале выступают как слова-самоцветы. И все-таки в основном переводчикам удалось передать эмоциональный накал поэзии Самыка.

Таковые некоторые мысли, которыми хотелось бы поделиться после знакомства с первой, пожалуй, столь полной книгой на русском языке алтайского поэта Паслея Самыка в год его пятидесятилетия.

В. ЧИЧИНОВ,
член Союза журналистов СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Огненный марал (1962—1972)

Сердце мое. Перевод И. Фонякова	5
Как прекрасен мир! Перевод И. Фонякова	7
Я — человек. Перевод И. Фонякова	9
Истинное счастье. Перевод И. Фонякова	11
Песнь о родине. Перевод И. Фонякова	12
Вечная голубизна. Перевод И. Фонякова	14
Родина. Перевод И. Фонякова	16
Сыну Эркину. Перевод И. Фонякова	17
«О, в народе моем...». Перевод И. Фонякова	19
Всадники. Перевод И. Фонякова	20
В глубинах гор. Перевод А. Ревича	21
Огненный марал. Перевод И. Фонякова	22
Читая Владимира Ильича. Перевод И. Фонякова	24
Маяковскому. Перевод автора	26
Разговор с поэтом Леонидом Мартыновым. Перевод И. Фонякова	29
Чего я хочу. Перевод И. Фонякова	32
На Кадринском перевале. Перевод И. Фонякова	34
Рано утром в городе. Перевод И. Фонякова	36
Рано утром в деревне. Перевод И. Фонякова	37
Рано утром на Алтае. Перевод И. Фонякова	39
Смотрю с гор. Перевод И. Фонякова	40
Песнь батыра перед босм. Перевод И. Фонякова	44
Кукушка среди снега. Перевод И. Фонякова	46
Античеловек. Перевод И. Фонякова	49
Матадор. Перевод А. Ревича	52
Диоген (шутливое). Перевод И. Фонякова	54
Этот ночной ветер. Перевод И. Фонякова	55
Ночь. Перевод И. Фонякова	56
Жене. Перевод Г. Фролова	58
Что было бы, если бы Демон женился на Тамаре (шутка). Перевод И. Фонякова	59
Архитектор Айна. Перевод И. Фонякова	62
Ты. Перевод И. Фонякова	64
Лебедь, летящий вверх по весенней Катунь. Перевод автора	65

Спящий ребенок. Перевод Г. Кондакова . . .	66
«В каждой девушке встречной...». Перевод И. Фонякова	67
Моя политика. Перевод И. Фонякова	68
Двадцатипятилетие. Перевод Г. Фролова	69

Ветер вершин (1972—1982)

Где-то далеко... Перевод Т. Глушковой	73
Песне подобная родина. Перевод Т. Глушковой	74
Молодому другу. Перевод Т. Глушковой	76
Ветер вершин. Перевод И. Фонякова	78
Вопросы летней ночью. Перевод Т. Глушковой	81
Красная площадь. Перевод Т. Глушковой	83
Ленинград. Марсово поле. Перевод В. Хатюшина	85
Баллада о ветре. Перевод Т. Глушковой	87
Прощание с Баку. Перевод В. Хатюшина	90
«Я был тогда...». Перевод Т. Глушковой	92
Слушая Курмангазы... Перевод Л. Осиповой	93
Древние турки. Перевод Р. Бухараева	95
Родные нагорья. Перевод Р. Бухараева	97
Алтайская ночь. Перевод Р. Бухараева	100
Жить! Перевод Р. Бухараева	101
Заветное желанье. Перевод Р. Бухараева	102
Вольная птица любви. Перевод Т. Глушковой	104
Дети гор на улицах города. Перевод В. Хатю- шина	106
Ответ на жалобу. Перевод Р. Бухараева	107
Памяти Василия Шукшина. Перевод Л. Осипо- вой	108
Каспийский перевал. Перевод Р. Бухараева	110
«Голубых вечеров голубые снега...». Перевод Р. Бухараева	111
Браконьеры на Алтае. Перевод В. Хатюшина	112
«Один падет за сто друзей...». Перевод А. Плит- ченко	114
Снежная нежность. Перевод Л. Осиповой	115
Вокруг меня — мир. Перевод Р. Бухараева	116
Перевал. Перевод А. Плитченко	117
Песнь о неистовом сердце. Перевод Р. Бухараева	119
Яйлю — летние пастбища. Перевод Р. Бухараева	122
В горниле песни. Перевод А. Плитченко	124
Над весенней Катунью. Перевод Р. Бухараева	129
Когда-нибудь... Перевод В. Хатюшина	130
Мы были похожи... Перевод Л. Осиповой	131

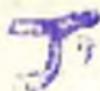
Работа весны. Перевод В. Хатюшина	133
Ночные тополя. Перевод Р. Бухараева	134
Песней любовь вознесу. Перевод Р. Бухараева	135
Бог? Великан? Человек? Перевод Р. Бухараева	137
Люблю людей. Перевод Р. Бухараева	140
«Ты от нас далеко...». Перевод А. Плитченко	141
Кони. Перевод Л. Осиповой	142

Поклонение Белухе (1982—1988)

Каспа — родное селение. Перевод Р. Бухараева	147
Алтай—Гималаи... Перевод Р. Бухараева	149
Алтай — Россия. Перевод Р. Бухараева	152
Мой край. Перевод Р. Бухараева	154
Алтай — Голубая Тюркия. Перевод Р. Бухараева	156
Алтай — Шамбала. Перевод Р. Бухараева	157
Алтай — Монголия. Перевод Р. Бухараева	158
Алтайские художники. Перевод Р. Бухараева	160
Махмуд Эсамбаев в танце «Золотой бог». Перевод Р. Бухараева	162
Горная фея Чейне. Перевод Р. Бухараева	164
Омар Хайям. Перевод Р. Бухараева	165
Воробышку. Перевод И. Фонякова	167
В жарком пламени... Перевод И. Фонякова	169
Морской прилив. Перевод Л. Осиповой	170
Чтобы девушек воспеть. Перевод А. Ибрагимова	172
Весна. Перевод С. Золотцева	173
Радость встречи. Перевод К. Козлова	174
Монолог хануги. Перевод В. Завадского	175
Свет женщины. Перевод В. Завадского	177
Жизнь и горы. Перевод А. Плитченко	179
Осень. Перевод Р. Бухараева	180
Слит с телом Алтая. Перевод В. Хатюшина	182
Прикатунское. Перевод Л. Осиповой	184
Сказитель, Козын-Эркеш и мы. Перевод Г. Фролова	186
На древе поколений листок. Перевод Г. Фролова	192
В просторах гор. Перевод Г. Фролова	193
Сыну. Перевод Г. Фролова	195

Поэмы

Чолушмания. Перевод Л. Осиповой	199
Руки отца. Перевод И. Фонякова	204
Валерий Чичинов. «Я здесь возник — в глубинах гор...». Послесловие	211



Паслей Самык
Самыков Василий Тордоевич

ПОКЛОНЕНИЕ БЕЛУХЕ

Стихи, поэмы

Перевод с алтайского

Послесловие В. И. Чичинова

Художник И. Азисов
Художественный редактор В. Еракин
Технический редактор Г. Заркова
Корректор Н. Тырышкина

ИБ № 3168

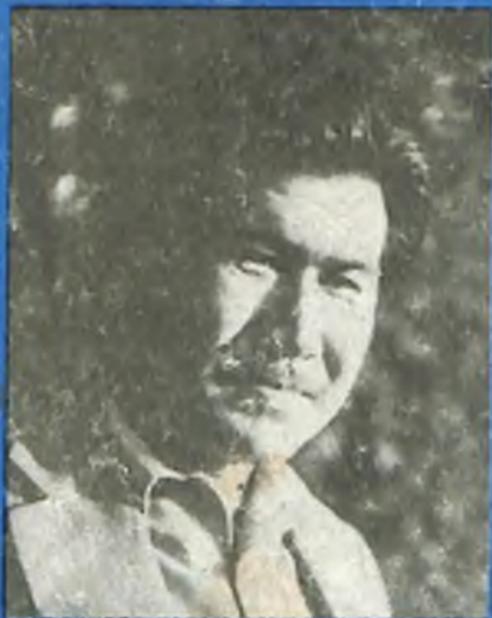
АГ 02674. Сдано в набор 23. 8. 1988 г. Подписано к печати 28. 10. 1988 г. Формат 70x90 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,19. Усл. кр.-отт. 8,774. Уч.-изд. л. 7,739. Тираж 1500 экз. Заказ № 2222. Цена 90 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, г. Барнаул, пр. Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, г. Барнаул, Г. Титова, 3.







Самыков Василий Тордович (Паслей Самык) родился 26 декабря 1938 года в селе Каспа Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области. Окончил в г. Горно-Алтайске областную национальную школу в 1956 году, а в 1964 году Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Много занимается переводами. Им переведены произведения Лопе де Веги, Пабло Неруды, Назыма Хикмета, Гарсиа Лорки, Рабиндраната Тагора, Николая Рериха, Бертольда Брехта, Витезслава Незвала, Кайсына Кулиева, Мустая Карима и многих других известных поэтов мировой классики и отечественной словесности.

Паслей Самык